КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1895 года. № 11. 1 Іюня.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю 2-ю по Пятидесятницѣ, 4 іюня, въ день памяти препод. Зосимы киликійскаго.

(Невинная кровь вопіетъ).

На первыхъ страницахъ св. Библіи, въ книгѣ Бытія есть трогательный разсказъ о первомъ братоубійствѣ на землѣ въ первой человѣческой семьѣ, — объ убійствѣ завистливымъ, злобнымъ Каиномъ невиннаго, добродушнаго млащшаго брата его Авеля. *Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли:* сказалъ Господь братоубійцѣ; *стеня и трясыйся будеши на земли* (Быт. 4, 10. 12). Затѣмъ прибавлено: *и положи Господь знаменіе на Каинѣ* (Тамъ же 4, 15). Какое же знаменіе? Не говоритъ объ этомъ Слово Божіе, но немаловажнымъ знаменіемъ для пролившаго невинную братнюю кровь могло быть и то, что онъ ходилъ въ постоянномъ

смущеніи, отчаяніи и страхѣ; лице его было постоянно грустное и мрачное; каждую минуту, при малѣйшемъ поводѣ, онъ весь трепеталъ отъ страха, боясь отмщенія. *Вящшая вина моя еже оставитися ми... Буду стеня и трясыйся на земли: и будетъ всякъ, обрѣтаяй мя, убіетъ мя:* говорилъ Каинъ въ отчаяніи (Быт. 4, 13. 14). Хотя Господь и возвѣстилъ братоубійцѣ, какъ бы въ его утѣшеніе, что *всякъ убивый его—седмижды отмстится,—и положилъ знаменіе еже не убити его всякому обрѣтающему его*; но Каинъ все таки остался навсегда съ своимъ смущеніемъ, отчаяніемъ и страхомъ, пока, наконецъ, самъ не былъ убитъ Ламехомъ.

Въ христіанствѣ и для человѣкоубійцъ, проливателей невинной крови, открытъ путь къ спасенію въ сердечномъ ихъ раскаяніи, въ таинствѣ покаянія и въ другихъ благодатныхъ средствахъ; но нерѣдко невинно пролитая кровь и въ кающихся человѣкоубійцахъ долго, долго вопіетъ,—смущаетъ душу и тѣло, требуетъ и съ ихъ стороны особой жертвы. Поучительный въ этомъ отношеніи разсказъ представляетъ намъ и жизнеописаніе воспоминаемаго нынѣ Церковью преподобнаго Зосимы киликійскаго, подвизавшагося въ VI в. на горѣ Синайской.—Пришелъ однажды къ Преподобному на Синай, пишется въ сказаніи о житіи Зосимы, одинъ разбойникъ и сталъ слезно просить его: «будь милостивъ, честный авва, пріими меня въ свой монастырь, чтобы я въ иноческомъ безмолвіи, въ подвигахъ и въ слезномъ раскаяніи искупилъ мои тяжкіе грѣхи. Много я совершилъ убійствъ и хотѣлъ бы уже начать иную жизнь». Замѣтивши въ пришедшемъ искреннее желаніе исправиться, преподобный Зосима принялъ его,—училъ, наставлялъ и чрезъ нѣсколько времени постригъ въ иночество. Но во все время Зосима замѣчалъ въ но-

вомъ своемъ собратѣ какое то особенное тревожное смущеніе. Желая хоть сколько нибудь облегчить его положеніе, преподобный старецъ предложилъ новопостриженному удалиться куда нибудь въ болѣе дальній монастырь и, съ его согласія, увелъ его въ кеновію аввы Дороѳея, близь города Газы, и тамъ поручилъ его братіи. Девять лѣтъ прожилъ и тутъ новый братъ въ иноческихъ подвигахъ,—изучилъ Псалтирь, усвоилъ себѣ всѣ правила иноческія,—словомъ, былъ непослѣднимъ инокомъ между братіею. Но кровь неповинная и тутъ вопіяла въ немъ: прежнее смущеніе и какая то робость продолжали тяготить его душу, при воспоминаніи объ его прежнихъ тяжкихъ грѣхахъ, хотя онъ и не разъ приносилъ въ нихъ искреннее раскаяніе на святой исповѣди. Наконецъ, приходитъ онъ къ преподобному Зосимѣ на Синай и въ слезахъ проситъ возвратить ему его прежнія мірскія одежды. «Зачѣмъ»? возражаетъ ему Зосима. «Ты самъ знаешь, отче, отвѣчалъ ему братъ, что я уже болѣе десяти лѣтъ живу въ монастырѣ; насколько помогъ мнѣ Господь, я и постился и молился,—навыкъ я и иноческому послушанію и смиренію,—чистосердечно я и каялся въ моихъ грѣхахъ; твердо надѣюсь я на неизреченное милосердіе Божіе,—вѣрю, что Господь проститъ мнѣ множество содѣянныхъ мною грѣховъ; но я никакъ не могу забыть особенно одного изъ моихъ ужасныхъ дѣлъ: и днемъ и ночью, и на яву и во снѣ, и въ келліи и въ церкви, при богослуженіяхъ, даже когда приступаю къ Божественнымъ Тайнамъ, постоянно вижу я предъ собою одно дитя, которое я когда то, по моему безумію, убилъ,—и оно постоянно мнѣ твердитъ: «почто мя убилъ еси»? Мнѣ теперь, отче, остается одно: возвратиться на то мѣсто, гдѣ я

совершилъ это страшное убійство; пусть меня тамъ предадутъ заслуженной мною казни; пусть и я умру за это дѣтище и за другихъ убитыхъ мною,—пусть еще и своею кровію омою я грѣхи мои». Такъ и сдѣлалъ смущенный братъ: сбросилъ онъ съ себя иноческія одежды, надѣлъ свои прежнія мірскія и отправился въ міръ. Пришедши въ городъ Діосполь, онъ открылся предъ всѣми въ своей давней винѣ и охотно предалъ себя на смертную казнь, къ которой его приговорили. На другой же день ему и отсѣкли голову. И исполнилось глубокое сердечное желаніе очищеннаго святѣйшею Христовою Кровію инока—своею грѣшною кровію - омыть давнишніе кровавые грѣхи свои. Это было для него своего рода добровольною эпитиміею,—свидѣтельствомъ, печатью его искренняго раскаянія въ тяжкихъ, вопіявшихъ къ Богу грѣхахъ.

Невинная кровь вопіетъ. Благодареніе Господу милосердному, мы, бр., далеки отъ такихъ тяжкихъ, ужасныхъ грѣховъ, которые вопіяли объ отмщеніи въ Каинѣ и въ упомянутомъ нами выше инокѣ. Но не бываетъ ли и у насъ такихъ несчастныхъ, прискорбныхъ случаевъ, когда невинная кровь, даже родныхъ дѣтей, проливается,—хотя и не намѣренно, но и не безъвинно,—по неразумію, по небрежности?.. Не говорю я уже о тѣхъ несчастныхъ матеряхъ, которыя, стараясь скрыть отъ людей свой позоръ, рѣшаются на ужасныя дѣла въ отношеніи къ своимъ новорожденнымъ. «Зачѣмъ ты меня убила?» думаю, часто слышатъ и эти несчастныя матери-дѣтоубійцы въ своей совѣсти; и не запьютъ, и не заѣдятъ онѣ своего грѣха, какъ говорится. Самое искреннее раскаяніе въ ихъ грѣхѣ на исповѣди не всегда успокоиваетъ ихъ. Случается иногда, что та-

кія матери-преступницы, для успокоенія своей смущенной совѣсти, прямо отдаютъ себя въ руки правосудія, и законнымъ наказаніемъ стараются успокоить свою мятущуюся совѣсть. Не разъ приходилось мнѣ, бр., быть свидѣтелемъ глубокаго смущенія и раскаянія въ невольномъ почти дѣтоубійствѣ и другого рода матерей, матерей законныхъ, добрыхъ христіанокъ и неутомимыхъ труженицъ на пользу своей семьи. Натрудившись въ полѣ до устали, особенно въ лѣтнюю, страдную пору, подобная труженица-мать едва едва доплетается домой съ своимъ груднымъ младенцемъ. Приготовивши тутъ для семьи все необходимое, приведши въ порядокъ свое скромное хозяйство и, едва успѣвши подрѣпить себя кое какою скудною пищею, она валится на постель съ своимъ груднымъ ребенкомъ и отъ утомленія засыпаетъ, что называется, мертвымъ сномъ. И что же случается тутъ иногда? Пробуждается бѣдная мать съ ранней зарей, и находитъ свое дитя возлѣ себя мертвымъ...: «она приспала его», какъ говорится. Въ ужасѣ и въ отчаяніи, она не знаетъ—какъ и замолить свой грѣхъ. Ходитъ она и на богомолья, кается, исповѣдывается, и все таки невинная кровь младенца вопіетъ въ пробуждающейся отъ времени до времени совѣсти его матери: «почто убила мя еси»? Только церковная эпитимія, обыкновенно налагаемая въ такихъ случаяхъ при исповѣди и часто по просьбѣ самой же смущенной матери, нѣсколько успокоиваетъ ее.

А то разскажу вамъ еще и такой печальный дѣйствительный случай. Одна не совсѣмъ воздержная мать, приглашенная на семейную трапезу къ своимъ знакомымъ, возвращалась домой почти ночью съ своимъ груднымъ ребенкомъ; а погода была осенняя, холодная, ненастная. Сбившись съ пути и будучи не твердою на но-

гахъ, неразумная и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкая мать свалилась въ ровъ съ своимъ дѣтищемъ,—барахталась тутъ въ полузамерзшей грязи, заснула и забыла про свое дитя... А къ утру отъ ушибовъ и холода ея дѣтище и Богу душу отдало. Не будетъ ли и это дѣтище вопіять своей матери въ ея совѣсти: «почто убила мя еси?» Не вопіютъ ли, подобнымъ образомъ, въ совѣсти родителей безвременно умирающія невинныя дѣти по винѣ послѣднихъ? Не вопіютъ ли, подобнымъ образомъ, и нравственно погибающія дѣти въ совѣсти ихъ соблазнителей,—ихъ духовныхъ убійцъ?..

«Почто мя убили есте?» Вдумаемся внимательно, бр., въ эти жалобныя слова,—вдумаемся особенно мы— отцы и матери, братья и сестры: не имѣетъ ли къ кому нибудь и изъ насъ хоть нѣкотораго приложенія такой жалобный вопль со стороны нашихъ невинныхъ сочленовъ, такъ или иначе пострадавшихъ не по своей винѣ?..

Искреннее сердечное раскаяніе въ обидахъ, нанесенныхъ невиннымъ *малымъ симъ*, и всегдашняя молитвенная память о нихъ да будутъ съ нашей стороны умилостивительною жертвою предъ Богомъ за ихъ невинныя и наши виновныя души. Вооружимся, бр., вооружимся, кромѣ того, осторожностію и благоразуміемъ, чтобъ намъ и косвеннымъ образомъ не принять на себя тяжкаго грѣха такого или другого рода душегубства особенно невинныхъ малыхъ дѣтей нашихъ. Аминь.

Поучительное чтеніе

о преподобномъ Онуфріѣ Великомъ.

(Память 12 іюня).

Въ нашихъ святыхъ храмахъ, да и въ нѣкоторыхъ домахъ благочестивыхъ христіанъ, въ числѣ святыхъ

иконъ приходится иногда видѣть изображеніе высокаго изможденнаго старца, обросшаго сѣдыми власами съ длинною, до самой земли касающеюся, бородою, прикрывающею всю переднюю часть почти нагого тѣла, съ однимъ лиственнымъ опоясаніемъ на чреслахъ,—съ сіяніемъ на головѣ и съ надписью вокругъ сіянія: преподобный Онуфрій великій. Святое имя этого великаго угодника Божія всѣ мы помнимъ и знаемъ, но едва ли многіе изъ насъ знаютъ его святую жизнь. Поэтому нынѣ разскажу я вамъ, бр., хотя нѣчто изъ его святой жизни.

Было время, около полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ, когда нынѣшнія пустыни Египта, Палестины и Сиріи были заселены тысячами иноковъ; нѣкоторые изъ тѣхъ иноковъ жили вмѣстѣ общинами, въ монастыряхъ,—а другіе спасались отдѣльно, каждый самъ по себѣ,—въ отшельничествѣ, для чего они уходили въ глубь какой нибудь дикой непроходимой пустыни,—избирали себѣ какую нибудь пещеру или ущелье и жили тутъ, никѣмъ почти незнаемые, не видя лица человѣческаго въ продолженіи десятковъ лѣтъ. Славное было то время въ христіанской исторіи—время высокаго подвижничества! Дивны были тѣ пустыни, которыя изобиловали такими подвижниками! Тѣ пустыни были тогда великими христіанскими школами не только для обыкновенныхъ мірянъ, но и для лицъ высокихъ званій, духовныхъ и свѣтскихъ: искавшіе высшаго совершенства и болѣе высокихъ нравственныхъ для себя образцовъ обыкновенно направлились въ эти пустыни, иногда даже съ опасностію для своей жизни,—и дѣйствительно находили тамъ то, чего искали. Въ такихъ пустыняхъ учились высокой мудрости христіанской и наши великіе вселенскіе учители: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Въ такихъ пустыняхъ

искали для себя высокихъ образцовъ даже нѣкоторые и изъ иноковъ подвижниковъ, жившихъ въ общежительныхъ монастыряхъ. Искателемъ въ тѣхъ пустыняхъ высшихъ образцовъ иноческой подвижнической жизни былъ и нѣкій инокъ Пафнутій, жившій въ IV вѣкѣ въ одномъ изъ египетскихъ общежительныхъ монастырей.

Сидѣлъ я однажды въ безмолвіи въ своемъ монастырѣ, говоритъ инокъ Пафнутій, и мнѣ пришло желаніе пойти во внутреннюю (египетскую) пустыню, чтобы видѣть тамъ, кто изъ иноковъ лучше меня служитъ Господу. Взялъ я немного хлѣба и воды и отправился въ глубь пустыни, не сказавши никому о томъ, куда я пошелъ. Шелъ я четыре дня и дошелъ наконецъ до одной пещеры съ маленькимъ оконцемъ. Остановился я у входа въ пещеру и началъ стучать по иноческому обычаю, творя молитву. Никто изъ пещеры не отзывался, хотя я простоялъ у нея цѣлый часъ. Тогда я самъ отворилъ дверь и вошелъ въ пещеру. Вижу: сидитъ старецъ, какъ бы спящій. «Благослови отче!» говорю я ему, прося у него благословенія; а онъ молчитъ и сидитъ неподвижно. Повторяю ему тоже; а онъ также безмолвствуетъ, Тогда я подошелъ къ нему ближе и коснулся его плеча, какъ бы желая разбудить его; но онъ оказался мертвымъ,—и мертвымъ онъ былъ уже много лѣтъ, потому что висѣвшая на стѣнѣ пещеры одежда его превратилась въ прахъ, когда я только прикоснулся къ ней. Снялъ я съ себя свою верхнюю мантію, покрылъ тѣло умершаго, ископалъ яму въ пескѣ и погребъ почившаго старца подвижника съ псалмопѣніемъ и со слезами, не зная даже его имени. Затѣмъ Пафнутій разсказываетъ, какъ онъ, продолжая углубляться въ пустыню, чрезъ нѣсколько дней, въ вечернюю пору встрѣтилъ одного пустынника, почти по-

лунагого, оброешаго волосами, шедшаго среди стада буйволовъ къ своей пещерной пустынной келліи. Это былъ пустынникъ Тимоѳей, который уже 30 лѣтъ жилъ въ этой пустынѣ, бѣгая отъ грѣха, и не видя лица человѣческаго. За это время одежды его истлѣли совершенно и волосы такъ выросли, что служили вмѣсто одежды, покрывая его наготу. Пустынникъ очень обрадовался встрѣчѣ съ Пафнутіемъ. Со всею любовію онъ разсказалъ Пафнутію всю свою жизнь отъ начала до конца,—особенно о тѣхъ искушеніяхъ, которыя на первыхъ порахъ пришлось ему терпѣть въ этой пустынѣ. Подвижники и молились и бесѣдовали въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Пафнутій желалъ и на всегда остаться при Тимоѳеѣ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ подвизаться; но Тимоѳей рѣшительно отказалъ ему въ этомъ: «не можешь ты, братъ, оставаться здѣсь, такъ какъ много тебѣ прійдется тутъ терпѣть искушеній, говорилъ Тимоѳей. Прошу же тебя, братъ, объ одномъ, сказалъ на прощаньи съ Пафнутіемъ Тимоѳей: поминай меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ, чтобы Господь Милосердный укрѣпилъ меня до конца совершить мой подвигъ. Пафнутій палъ къ ногамъ подвижника и въ свою очередь слезно просилъ у Тимоѳея святыхъ молитвъ. Старцы разстались съ взаимными слезными молитвенными благожеланіями. Пафнутій продолжалъ дальше и дальше углубляться въ дикую пустыню. На 17-й день своего путешествія, Пафнутій, наконецъ, достигъ одной высокой горы и сѣлъ у подошвы ея для отдыха. Вдругъ, видитъ онъ издали идущаго къ нему старца, совершенно оброешаго волосами, бѣлыми какъ снѣгъ. Волосы съ головы и бороды спускались до земли и прикрывали его какъ будто одеждою; только чресла его были прикрыты листьями пустынныхъ растеній. Видя, какъ

онъ приближается ко мнѣ, говоритъ Пафнутій, я почувствовалъ нѣкоторый страхъ и, поднявшись на оказавшійся тутъ каменный утесъ, сѣлъ тутъ, выжидая, что дальше будетъ. Старецъ медленными шагами приближался къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ и, не замѣчая меня, сѣлъ какъ разъ подъ тою скалою, на которой я сидѣлъ. Наконецъ, онъ взглянулъ вверхъ и увидѣлъ меня. „Человѣче Божій! сойди ко мнѣ. ибо и я—человѣкъ, подобный тебѣ, живущій въ пустынѣ сей Бога ради": сказалъ старецъ тихимъ голосомъ. Пафнутій поспѣшилъ къ нему и, павши къ ногамъ, просилъ благословенія. „Встань сынъ мой, сказалъ старецъ, ибо и ты рабъ Божій и другъ святыхъ Его; тебѣ, вѣдь, имя Пафнутій,—не правда ли"? сказалъ старецъ, къ великому моему изумленію. Затѣмъ, повелѣлъ мнѣ сѣсть возлѣ него,—и началась между-нами бесѣда. Я умолялъ старца—обстоятельно все разсказать о себѣ, о своей жизни въ пустынѣ. „Имя мое Онуфрій, началъ свой разсказъ старецъ; уже шестьдесятъ лѣтъ скитаюсь я въ этой пустынѣ по горамъ и доламъ и до сихъ поръ не видѣлъ я тутъ почти ни одного человѣка. Съ ранняго дѣтства жилъ я въ одномъ изъ Ѳиваидскихъ монастырей, называемомъ Ерити, близъ Ермополя; тамъ насъ было въ то время до ста братій; жили мы всѣ въ единодушіи и любви: все у насъ было общее: и пища и одежда; проводили мы время въ постничествѣ и въ безмолвіи, славя Господа. Слышалъ я въ этомъ монастырѣ, какъ братья между собою бесѣдовали о пророкѣ Иліи, жившемъ въ пустынѣ,—слышалъ также разсказы о святомъ Іоаннѣ Предтечѣ, проводившемъ время въ пустынѣ до явленія своего во Израили. Распрашивалъ я отцовъ: „кто выше изъ иноковъ,—тѣ ли, которые живутъ въ общежитіи, или же тѣ, которые

подвизаются въ пустыняхъ"? „О, чадо, отвѣчали мнѣ старцы, конечно, пустынники гораздо выше насъ: мы ежедневно видимъ другъ друга и въ благодушіи совершаемъ общія церковныя пѣнія. Взалчетъ ли кто изъ насъ,—хлѣбъ для него всегда готовъ; вжаждетъ ли, для него всегда найдется вода; случится ли кому нибудь изъ насъ заболѣть, тутъ для него найдется и утѣшитель и помощникъ; мы тутъ во всемъ помогаемъ другъ другу по братской любви. А живущіе въ пустынѣ этого всего лишены. Когда случится какая нибудь печаль пустыннику, кто его утѣшитъ? Кто ему послужитъ въ его болѣзни? Кто поддержитъ въ искушеніи? Гдѣ найти ему пищу и питіе въ пустынѣ безводной и безплодной? О, несравненно большій подвигъ инока пустынника! Чего, чего только ему не приходится испытывать и терпѣть Господа ради; очень прискорбенъ и тѣсенъ ихъ путь! Поэтому Господь иногда посылаетъ имъ ангеловъ для служенія; ангелы иногда источаютъ для нихъ воду изъ камня,—иногда приносятъ имъ хлѣбъ и пр.; а если видимо и не служатъ имъ, то во всякомъ случаѣ невидимо берегутъ ихъ отъ навѣтовъ вражіихъ". Не разъ это я слышалъ отъ богомудрыхъ отцовъ моего монастыря, продолжалъ Онуфрій, и во мнѣ каждый разъ возникало сильное желаніе—уйти въ пустыню для пустынныхъ подвиговъ. Вотъ, наконецъ, я и рѣшился уйти изъ монастыря,—взялъ съ собою нѣсколько хлѣбцевъ и немного воды и направился въ пустыню черезъ гору. Когда я вступилъ въ самую пустыню, то замѣтилъ предъ собою какой то движущійся свѣтлый лучь; я испугался и уже думалъ было возвратиться въ монастырь; но, вдругъ, слышу голосъ, говорящій мнѣ: „не бойся, я—ангелъ Господень, приставленный къ тебѣ отъ твоего рожденія, чтобы хранить тебя;

я буду сопутствовать тебѣ и въ пустынѣ". Шелъ я, такимъ образомъ, нѣсколько дней по пустынѣ и наконецъ увидѣлъ вертепъ. Захотѣлось мнѣ узнать—живетъ ли кто въ немъ. Подошелъ я къ вертепу и говорю по иноческому обычаю: „благослови отче!" Чрезъ нѣсколько минутъ отворяется вертепъ,—и выходитъ ко мнѣ глубокій священнолѣпный старецъ, въ которомъ явно свѣтилась благодатная сила Божія. Я палъ ему въ ноги; а онъ, поднимая меня, сказалъ: ты ли это, братъ мой Онуфрій, споспѣшникъ мой о Господѣ? вниди, чадо мое, въ мое обиталище и пребудь со мною". Съ великою радостію поселился я у этого старца и пробылъ у него не мало дней. Отъ него я научился всѣмъ уставамъ пустыннаго житія. Чрезъ нѣкоторое время, видя, что я уже достаточно навыкъ въ пустынномъ житіи, старецъ сказалъ мнѣ: встань, чадо, и направимся въ путь; я тебѣ укажу другой вертепъ во внутренней пустынѣ, чтобы ты тамъ одинъ пожилъ, угождая Господу. Шли мы четыре дня и четыре ночи; наконецъ въ пятый день пришли къ малому вертепу; и святой мужъ сказалъ мнѣ: „вотъ это то святое мѣсто, которое уготовалъ Господь для тебя"! Пробылъ тутъ со мною старецъ тридцать дней и, поучивши еще пустыннымъ подвигамъ, оставилъ меня одного, благословивши на уединенную жизнь; а самъ возвратился въ свою пещеру. Послѣ того онъ каждый годъ приходилъ ко мнѣ на нѣсколько дней для духовной бесѣды. Пришелъ онъ ко мнѣ и въ послѣдній разъ передъ своею кончиною; тутъ онъ и скончался въ моей пещерѣ; тутъ я и погребъ его вблизи моего жилища съ горькимъ плачемъ. „Много ли ты подъялъ трудовъ, отче святый, особенно въ началѣ твоего пустынножительства"? вопросилъ преподобнаго Онуфрія Пафнутій. „По-

вѣрь мнѣ, возлюбленный братъ, отвѣчалъ ему на это преп. Онуфрій; очень часто мнѣ такъ было тяжело тутъ, что я отчаявался въ моей жизни; многократно я совершенно изнемогалъ и отъ голода, и отъ жажды, и отъ холода, и отъ зноя; что я тутъ претерпѣлъ,—трудно тебѣ и высказать; да и разсказывать то не слѣдуетъ того, что рабъ Божій терпитъ втайнѣ Господа ради... Скажу тебѣ лучше о благости Божіей ко мнѣ грѣшному. По Его святой волѣ, святой ангелъ мой хранитель не разъ приносилъ мнѣ хлѣбъ и воду и укрѣплялъ мои изнемогающія силы. Такъ было впродолженіи первыхъ тридцати лѣтъ моего пустынножительства; а въ послѣдующее время Милосердный Господь утѣшилъ меня тѣмъ, что произрастилъ близъ моего вертепа прекрасное финиковое дерево, двѣнадцать вѣтвей котораго, каждая вѣтвь ежемѣсячно, мнѣ доставляли довольную пищу. Остальныя тридцать лѣтъ я проводилъ уже въ изобиліи и въ великихъ утѣшеніяхъ: я удостоивался часто и явленія святаго ангела хранителя моего, который и причащалъ меня святымъ Тайнамъ Христовымъ по субботамъ и воскресеньямъ. Да этого, навѣрное, удостоиваются и многіе подобные мнѣ недостойному пустынножители». Долго я услаждался бесѣдою святаго старца и благословлялъ его за его дивную жизнь. Старецъ, за тѣмъ, поднялся и предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ въ его пещеру. Прошли мы двѣ три версты и пришли, наконецъ, къ пещерѣ Преподобнаго, у которой росло прекрасное финиковое дерево съ плодами и протекалъ ручей чистой воды. Мы тутъ опять продолжали бесѣду до заката солнечнаго. Къ вечеру оказался въ пещерѣ хлѣбецъ чистый и сосудъ съ водою. „Вкуси, брате, у меня хлѣба и воды и укрѣпись, такъ какъ ты, вижу я, изнемогъ отъ голода, жажды и путнаго труда, сказалъ

ласково пр. Онуфрій Пафнутію, предлагая трапезу брату,—а самъ, между тѣмъ, устранялся отъ трапезы. Долго я упрашивалъ старца раздѣлить со мною трапезу; наконецъ онъ уступилъ моей просьбѣ, и мы вмѣстѣ вкусили нѣсколько отъ хлѣба и воды, сопровождая нашу трапезу молитвою; а за тѣмъ и всю ночь провели въ молитвѣ. Когда настало утро, я замѣтилъ, говоритъ Пафнутій, что лице у старца какъ то особенно измѣнилось, такъ что я смутился, глядя на него. „Не бойся, братъ Пафнутій, сталъ успокоивать меня старецъ; Самъ Господь Милосердный привелъ тебя ко мнѣ, чтобы ты погребъ мое тѣло, ибо въ нынѣшній день оканчиваю я мое здѣшнее временное житіе“. Это было 12 іюня. Старецъ просилъ меня, чтобы я молитвенно творилъ память о немъ съ своими братьями и всѣми христіанами, а я въ свою очередь умолялъ старца быть моимъ ходатаемъ предъ Богомъ. При этомъ я просилъ у пустынника старца и благословенія на то, чтобы остаться на житье въ его пещерѣ; но на послѣднее старецъ отвѣчалъ: „не для того, чадо, Господь послалъ тебя въ пустыню, чтобы ты въ ней пребывалъ, а для того, чтобы, увидѣвши здѣсь житіе рабовъ Божіихъ, повѣдалъ о нихъ міру, въ назиданіе слушающимъ“. Затѣмъ, преп. Онуфрій, давши мнѣ послѣднее братское лобзаніе, началъ молиться со слезами и воздыханіями, потомъ молился нѣкоторое время колѣнопреклоненный, и наконецъ возлегъ на землю и съ словами: Боже, въ руцѣ Твои предаю духъ мой! почилъ о Господѣ. Долго я оплакивалъ почившаго великаго отца моего; затѣмъ, сорвавши нижнюю подшивку съ моей одежды, обвилъ ею святое тѣло великаго угодника, положилъ его въ близь лежавшей каменной разсѣлинѣ и прикрылъ его малыми камнями. Послѣ погребенія преподобнаго, я все еще

помышлялъ хотя на нѣкоторое время остаться на житьи въ его пещерѣ; но тутъ же на моихъ глазахъ обрушилась эта пещера, источникъ мимо ея протекавшій изсякъ и финиковое дерево стало усыхать. Тогда я увидѣлъ ясно, что не было Божія благословенія на то, чтобы я здѣсь оставался. Помолившись Господу въ послѣдній разъ надъ мощами великаго отца, я направился въ обратный путь къ моей обители. По дорогѣ, въ пустынѣ я еще видѣлъ нѣсколько дивныхъ старцевъ прозорливцевъ, которые, въ первый разъ видя меня, прямо называли меня по имени и говорили, что Господь сподобилъ меня великой благодати—наслаждаться бесѣдою великаго старца Онуфрія и погребсти его. Нѣкоторыхъ изъ этихъ старцевъ я просилъ назвать свои имена, но они отказались: „Богъ вѣсть имена наши, говорили они; поминай насъ въ своихъ молитвахъ, да сподобитъ насъ Господь увидѣть другъ друга въ горнемъ дому Божіемъ". Видѣлъ я тутъ въ числѣ подвизавшихся не только сѣдовласыхъ, многолѣтнихъ старцевъ, но и молодыхъ добровидныхъ юношей, которые соревновали старцамъ въ пустынныхъ подвигахъ и были преисполнены великой благодати; четыре изъ нихъ открыли мнѣ свои имена, это были: Іоаннъ, Андрей, Иракламаонъ и Ѳеофилъ. Пришедши въ монастырь, Пафнутій изложилъ все видѣнное имъ въ пустынѣ—въ книгѣ и положилъ ее въ храмѣ, въ назиданіе братіи. Вотъ откуда и мы знаемъ то, что сообщили вамъ о великомъ пустынникѣ египетскомъ—преподобномъ Онуфріѣ.

Выслушавши повѣсть о дивномъ подвижникѣ—пустынникѣ великомъ Онуфріѣ и другихъ современныхъ ему старцахъ, просіявшихъ въ египетскихъ пустыняхъ, возблагодаримъ, бр., Господа, даровавшаго такую благодать людямъ—въ лицѣ Его святыхъ угодниковъ, а

затѣмъ, и сами будемъ подвизаться въ благоугожденіи Господу, на сколько кто можетъ, по своему званію и положенію. Вѣдь, всѣмъ намъ доступна благодатная сила Божія; и мы всѣ можемъ и должны спасаться о Господѣ, восходя отъ силы въ силу.

Кіевскій женскій Флоровскій (Вознесенскій) монастырь.

(*Продолженіе* [1]).

IV.

Съ отобраніемъ въ казну имѣній Флоровскаго монастыря, ясно обнаружилась недостаточность матеріальныхъ его средствъ: предоставленныхъ ему средствъ едва достаточно было на удовлетвореніе только самыхъ обыденныхъ его нуждъ. Между тѣмъ, въ Флоровскомъ монастырѣ, да и въ другихъ монастыряхъ кіевскихъ, въ данное время было не мало экстраординарныхъ нуждъ, на удовлетвореніе которыхъ требовались значительныя средства, на что не было, къ сожалѣнію, обращено со стороны правительства вниманіе, при самомъ введеніи монастырскихъ штатовъ. Вотъ въ какомъ состояніи въ данное время были зданія Флоровскаго монастыря. Крыши, какъ на Вознесенской, такъ и на трапезной церквахъ, нѣсколько подновленныя игуменьей Сморжевской, были на столько ветхи, что свободно пропускали дождевую и снѣговую воду, и тѣмъ причиняли значительный вредъ церковнымъ сводамъ. Деревянный куполъ колокольни, построенной еще въ игуменство Перевисской, на столько обветшалъ, что, во время звона въ большой колоколъ, приходилъ въ сильное движеніе и ежеминутно грозилъ паденіемъ. Каменная съ трехъ сторонъ монастыря ограда, построенная иждивеніемъ Нектаріи Долгоруковой, отъ ветхости во многихъ мѣстахъ разрушилась; а деревянная, устроенная со стороны Киселевской горы, монастырская ограда, вслѣдствіе ветхости

---

[1]) См. К. Е. Вѣд. № 9.

и, главнымъ образомъ, отъ вреднаго дѣйствія обильно стекавшей съ горы дождевой и снѣговой воды, совершенно сгнила,—а постепенно увеличивавшіеся обвалы горы причиняли большой вредъ близь-лежащимъ монастырскимъ постройкамъ. Таковы были вопіющія нужды Флоровскаго монастыря, на удовлетвореніе которыхъ далеко недостаточно было тѣхъ средствъ, какими располагалъ монастырь въ данное время. При такихъ обстоятельствахъ, игуменія Августа обратилась въ 1790 году въ Кіевскую казенную палату, съ ходатайствомъ о выдачѣ Флоровскому монастырю вспомоществованія на ремонтъ монастырскихъ построекъ. Въ виду неоднократныхъ подобныхъ просьбъ и со стороны другихъ монастырей, 23 октября 1791 года высочайшимъ указомъ повелѣно Кіевской казенной палатѣ «неопустительно блюсти, дабы въ каждомъ казенномъ строеніи (къ каковымъ причислены и монастырскія зданія) всякое поврежденіе, требующее починки, было исправляемо, не допуская отнюдь до дальнѣйшихъ ветхостей». Казалось бы, Флоровскій монастырь могъ ожидать скорѣйшей помощи для удовлетворенія своихъ вышеуказанныхъ нуждъ. Дѣйствительно, въ началѣ 1792 г. Кіевская казенная палата назначила комиссію для обревизованія обветшавшихъ строеній монастыря и для опредѣленія суммы, потребной на ихъ исправленіе; оказалось, что для исправленія самыхъ существенныхъ поврежденій монастырскаго строенія должно было понадобиться никакъ не менѣе 1300 руб. Вскорѣ послѣ этого вопросъ объ ассигнованіи и выдачѣ Флоровскому монастырю потребной суммы перешелъ на утвержденіе Правительствующаго Сената. Дѣло, казалось, было близко къ концу; но, по разнымъ причинамъ, оно затянулось до 1796 года; только въ концѣ этого года, по высочайшему повелѣнію, Флоровскому монастырю выдана была изъ государственнаго казначейства потребная сумма, и главнѣйшія поврежденія монастырскаго строенія были исправлены [1]).

Преемница Августы Апраксиной, скончавшейся 3 января 1801 года, Марія-Магдалина, въ мірѣ дочь нѣжинскаго полковни-

---

[1]) Арх. дух. Конс., д. 1787 г., № 29.

ка и войта Ивана Тернавіотъ—Мареа Тернавіотъ, управляла Флоровскимъ монастыремъ съ 1801 по 1806 годъ [1]).

Еще въ 1777 году Марія Тернавіотъ, будучи въ то время рядовою монахиней, заявила себя добрымъ дѣломъ въ пользу обители: на пожертвованную ею сумму устроенъ былъ въ правомъ боковомъ придѣлѣ Вознесенскаго храма алтарь въ честь Собора Пр. Богородицы. Изъ времени же ея игуменства извѣстно лишь то, что въ 1805 году, на собранныя ея стараніемъ пожертвованія отъ доброхотныхъ дателей, поновлена была стѣнная живопись внутри Вознесенской церкви [2]).

Обильнѣе фактами, сравнительно, кратковременное управленіе Флоровскимъ монастыремъ преемницы Тернавіотъ—игумени Пульхеріи,—въ мірѣ княгини Прасковьи Никитишны Шаховской, скончавшейся 9 августа 1812 г. [3]).

Кромѣ построенія въ 1807 году новой деревянной ограды съ восточной стороны монастыря, ремонтированія въ томъ году игуменскаго дома и устроенія монастырскаго колодезя [4]), главнымъ дѣломъ, какимъ заявила себя Шаховская, былъ капитальный ремонтъ трапезной церкви. Возобновленная еще при Тодорской, трапезная церковь къ данному времени настолько обветшала, что въ стѣнахъ ея виднѣлись сквозныя трещины; трещины были въ сводѣ и фундаментѣ этой церкви [5]). Ремонтъ церкви требовалъ не мало издержекъ. Въ 1807 году Шаховская обратилась къ сбору доброхотныхъ подаяній; къ началу 1808 года такимъ путемъ собрано было 784 рубля; присоединивъ къ этой суммѣ имѣвшіеся въ монастырскомъ «скарбѣ» 645 р. ассигнаціями, 4 полуимперіала, 10 червонцевъ, 24 серебран. и 2 золотыхъ медали,—что въ

---

[1]) Послужные списки монахинь Флоровскаго монастыря за 1786 годъ (Арх. дух. Конс., 1786 г, № 63).

[2]) Объ этомъ мы знаемъ изъ надписи о времени устроенія и освященія Вознесенскаго храма, находящейся на имѣющейся нынѣ въ этомъ храмѣ бронзовой доскѣ.

[3]) Какъ видно изъ надписи, находящейся на надгробіи этой игуменьи, на бронзовой доскѣ, вставленной въ юго-восточ. стѣну Вознесенской церкви.

[4]) Арх. Флор. мон., № 33.

[5]) Ibid.,—№ 39.

общей сложности составило около 1800 руб., игуменія Пульхерія въ 1808 году приступила къ ремонтировкѣ церкви [1]). Исправлены поврежденія въ фундаментѣ, стѣнахъ и сводѣ церкви, стѣны совнѣ оштукатурены, и крыша вновь покрашена зеленою краскою; вмѣстѣ съ этимъ произведены существенныя измѣненія и внутренняго вида церкви. Въ стѣнѣ, раздѣлявшей трапезную церковь отъ прилегавшей къ ней трапезы, было лишь небольшое круглое окно; теперь же вмѣсто окна сдѣлана довольно большая для прохода изъ трапезы въ церковь дверь; чугунный полъ въ трапезной церкви перестланъ; стѣны покрашены масляною краскою и по мѣстамъ расписаны живописью; иконостасъ въ Іоанно-Богословскомъ придѣлѣ вновь покрытъ листовымъ золотомъ. Вся эта работа окончена въ началѣ 1809 г. [2]). Въ 1809 году были ремонтированы Вознесенская церковь и колокольня. Кресты и главы Вознесенской церкви позолочены, во всѣхъ трехъ куполахъ сдѣланы вновь окна, крыша покрыта зеленою краскою, церковь снаружи и колокольня—оштукатурены. Работа эта окончена къ началу августа 1809 же года.

Ревнуя о благолѣпіи церковныхъ зданій, энергичная игум. Шаховская усердно заботилась и о жилыхъ зданіяхъ монастыря. За исключеніемъ двухъ-трехъ каменныхъ келлій, всѣ остальныя келліи монастыря въ данное время были деревянныя. Хорошо сознавая, какая опасность, въ виду этого, грозитъ монастырю, въ случаѣ пожара, Шаховская задумала снять деревянныя постройки и замѣнить ихъ каменными. Къ 1811 году уже собрана была на это доброе дѣло значительная сумма; съ мая мѣсяца того же года рѣшено было приступить и къ постройкѣ большого двухъэтажнаго каменнаго корпуса. Къ счастью, рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе. Оказалось, что почти вся собранная монастыремъ сумма имѣлась въ ассигнаціяхъ, курсъ на которыя въ то время сильно понизился; въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени предположенная постройка каменнаго корпуса и была отложена

---

[2]) Ibid.,—см. опись церковнаго имущества Флор. мон., составленную въ 1806—1807 годахъ.

[2]) Арх монастыря, № 39.

монастыремъ до слѣдующаго года [1]). Но то было уже на канунѣ того печальнаго событія, которое сильно измѣнило положеніе вещей въ монастырѣ.

9 іюня 1811 г., въ 10—11 часовъ утра на Спасской улицѣ, на Подолѣ, вспыхнуло пламя въ домѣ столяра. Лѣто тогда стояло жаркое и сухое; деревянныя кровли домовъ легко воспламенялись отъ падавшихъ на нихъ искръ. Усилившійся пламень нарушилъ равновѣсіе атмосферы и произвелъ бурю, которая разносила искры и головни на далекое пространство. Сильный огонь разлился съ такою быстротою и на такое пространство, что, по прошествіи 3 часовъ, Подолъ казался сплошнымъ огненнымъ моремъ [2]). Сильно пострадалъ во время этого пожара и Флоровскій монастырь: положительно всѣ келліи погорѣли [3]); совершенно сгорѣла деревянная Воскресенская церковь [4]), полуразрушена трапезная церковь, значительно пострадала снаружи и отчасти внутри Вознесенская церковь, а также и колокольня; висѣвшіе на ней колокола расплавились и образовали собою нѣсколько слитковъ [5]). Не обошлось это страшное несчастіе въ монастырѣ и безъ человѣческихъ жертвъ: искавшія убѣжища въ Вознесенской церкви 23 монахини удушились отъ дыма [6]).

При невозможности оставаться въ испепеленномъ Флоровскомъ монастырѣ, монахини вмѣстѣ съ игуменьей, на другой же

[1]) Монастыр. арх., д. № 64.

[2]) Н. Закревскій, Описаніе Кіева, ч. I, стр. 116—118.

[3]) Остались (въ полуразрушенномъ состояніи) трапеза и двѣ прилегавшія къ колокольнѣ келліи—каменныя.

[4]) Монастыр. арх., д. № 24.

[5]) Церковная утварь, находившаяся до пожара въ трапезной и Воскресенской церквахъ, вся сгорѣла. Внутреннее же убранство Вознесенской церкви, не смотря на то, что снаружи послѣдняя сильно пострадала, осталось почти нетронутымъ пламенемъ, хотя и было приведено въ сильный безпорядокъ. Сообщенія Н. Закревскаго (Описаніе Кіева, стр. 873), Похилевича (Монастыри и церкви г. Кіева, стр. 53. 1865. Кіевъ) и другихъ о совершенномъ опустошеніи Вознесенской церкви пожаромъ 1811 г.—не вѣрно. Доказательствомъ этого служитъ, составленная въ 1813 г. и нынѣ хранящаяся въ монастырскомъ архивѣ, опись какъ погорѣвшему, такъ и уцѣлѣвшему церковному имуществу монастыря. Къ сожалѣнію, опись эта представляетъ лишь сухой перечень предметовъ.

[6]) Монастыр. арх., д. № 81.

день послѣ пожара, помѣщены были въ одномъ большомъ домѣ на Старомъ Кіевѣ [1]); на развалинахъ же монастыря, для надзора за уцѣлѣвшимъ монастырскимъ имуществомъ, осталось лишь нѣсколько инокинь, нашедшихъ убогій пріютъ въ притворѣ Вознесенской церкви. Наиболѣе уцѣлѣвшій боковой придѣлъ Вознесенской церкви (въ честь Собора Пресв. Богородицы) вскорѣ послѣ пожара приведенъ въ порядокъ, 22 іюля освященъ, и въ немъ началось совершеніе богослуженія—исключительно для оставшихся въ монастырѣ инокинь [2]). Между тѣмъ, домъ, въ которомъ пріютились остальныя монахини, оказался слишкомъ тѣснымъ и неудобнымъ въ другихъ отношеніяхъ. Въ виду крайнихъ неудобствъ этого помѣщенія, игуменія Шаховская, въ концѣ іюля 1811 года, обратилась къ высокопреосвященному митрополиту, съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ей исправить пострадавшія отъ пожара трапезу и двѣ прилегавшія къ колокольнѣ небольшія каменныя келліи, гдѣ можно было бы съ бо́льшимъ удобствомъ помѣститься инокинямъ, до отстройки въ монастырѣ новыхъ келлій. Получивъ разрѣшеніе, Шаховская немедленно приступила было къ этому дѣлу; но оказалось, что возобновленіе трапезы въ томъ же году было невозможно: съ одной стороны, сильно пострадавшая трапеза требовала капитальнаго ремонта,—съ другой, не говоря уже о тѣхъ скудныхъ средствахъ, какими располагалъ монастырь, времени удобнаго для постройки оставалось слишкомъ немного; а—главное—въ рабочихъ, на которыхъ тогда былъ большой спросъ, оказался большой недостатокъ. Мысль о возобновленіи трапезы потому была оставлена [3]), и инокинямъ приходилось мириться съ крайними неудобствами своего пріюта. Но отеческая заботливость митрополита Серапіона скоро нашла другой исходъ: 28 сентября 1811 г., по распоряженію митрополита, инокини размѣщены были въ зданіяхъ Пустынно-Николаевскаго монастыря, братія котораго на время была переведена въ Кіево-Печерскую Лавру [4]); временный пріютъ для иногинь былъ, такимъ образомъ, обезпеченъ.

---

[1]) Ibid.

[2]) Монастыр. арх., дд. №№ 6, 92.

[3]) Монастыр. арх., д. № 81.

[4]) Ibid.

Въ концѣ 1811 же г., по распоряженію Шаховской, составлена была смѣта стоимости возобновленія монастыря. Оказалось, что для возобновленія его потребно было никакъ не менѣе 150 тысячъ рублей ассигнаціями [1]).

Имѣя въ распоряженіи своемъ сумму лишь въ количествѣ трехъ тысячъ рублей, Шаховская обратилась къ благотворительности частныхъ лицъ и такимъ путемъ къ началу 1812 г. успѣла увеличить монастырскій капиталъ до восьми тысячъ рублей [2]). Но собранная сумма слишкомъ была незначительна въ сравненіи съ тѣми громадными средствами, которыя требовались на возобновленіе монастыря,—и долго, быть можетъ, пришлось бы монастырю лежать въ развалинахъ, если бы въ судьбѣ его не принялъ участіе самъ Государь, къ милости котораго обратилась Шаховская. Въ началѣ 1812 г. высочайше была ассигнована на возобновленіе Флоровскаго монастыря сумма въ 133 рублей. Правда, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, въ которыя поставлено было русское правительство во время войны съ французами, Флор. монастырь получилъ въ началѣ 1812 г. лишь часть ассигнованной суммы—двадцать пять тысячъ рублей [3]), остальныя же деньги выданы ему были гораздо позже. Но важно было уже то, что полное возобновленіе Флоровскаго монастыря въ недалекомъ будущемъ было обезпечено: полученной изъ государственнаго казначейства въ началѣ 1812 г. суммы, въ соединеніи ея съ тѣми 8 тысячами, какія еще раньше имѣлись въ распоряженіи монастыря, вполнѣ достаточно было, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы инокини могли пріютиться въ своемъ монастырѣ. Съ ранней весной 1812 г. игуменья Шаховская и приступила къ возобновленію Флоровск. монастыря. Къ половинѣ апрѣля уже окончена была постройка четырехъ деревянныхъ корпусовъ, болѣе или менѣе достаточныхъ для помѣщенія въ нихъ инокинь; къ этому же, приблизительно, времени Возне-

---

[1]) См. смѣту стоимости возобновленія Флор. мон., составленную архитекторомъ Меленскимъ.—Монастыр. арх., д. № 3.

[2]) См. книгу, данную въ 1811 г. изъ Кіев. дух. Конс. для записи пожертвованій на возобновленіе Флор. монастыря.

[3]) Приходо-расходная книга за 1812 годъ.

сенская церковь внутри, а отчасти и снаружи, приведена въ приличный видъ и готова была къ освященію. Когда монастырь нѣсколько обстроился, въ концѣ апрѣля 1812 же г., инокини оставили пріютившій ихъ Николаевскій монастырь и перемѣстились въ свою обитель [1]).

Послѣднимъ дѣломъ, которымъ закончилась ревностная заботливость игум. Пульхеріи въ пользу возобновляемаго монастыря, была ремонтировка теплой церкви, съ надстройкой надъ ней втораго этажа. Верхній этажъ оконченъ былъ лишь вчернѣ, въ нижнемъ же этажѣ, совершенно отдѣланномъ, устроенъ былъ престолъ въ честь свв. Флора и Лавра. Работа эта, начавшаяся еще въ концѣ іюня, окончена къ началу августа 1812 г.,—уже при преемницѣ Шаховской — Смарагдѣ Норовой [2]), игуменствовавшей во Флоровскомъ монастырѣ съ 22 августа 1813 г. по 7 декабря 1832 года [3]).

Какъ ни много сдѣлано по возобновленію Флоровскаго монастыря игум. Шаховской, но то было лишь началомъ возобновленія; завершеніе же его выпало на долю игум. Норовой.

Ремонтировка церквей была предметомъ первыхъ заботъ Норовой по возобновленію обители. Ремонтировка произведена была главнымъ образомъ на пожертвованія со стороны насельницъ монастыря; а всѣ остальныя работы произведены были Смарагдой Норовой на выданную монастырю въ 1817—1818 г. остальную часть высочайше ассигнованной на возобновленіе монастыря суммы. При Смарагдѣ были сдѣланы слѣд. работы. Въ 1816 г. сдѣлана была новая крыша на Вознесенской церкви,—покрашена зеленою краскою, а главы и кресты позолочены [4]). Въ 1817 году вся церковь снаружи и внутри была оштукатурена на собственныя средства игуменіи Смарагды Норовой и монахини Смарагды Набоковой [5]). Съ 21 сентября 1817 года до 1 іюля слѣдующаго года реставри-

---

[1]) Монастыр. арх., №№ 81 и 5.

[2]) Монастыр. арх., №№ 10 и 21.

[3]) Послужной списокъ игуменіи Смарагды.

[4]) Монастыр. арх., № 18.

[5]) Ibid.

рованъ былъ весь иконостасъ придѣловъ—въ честь Вознесенія Господня и Собора Пр. Богородицы. Одновременно съ отдѣлкой иконостаса и горняго мѣста, произведенной на счетъ монастыря, иждивеніемъ нѣкоторыхъ инокинь стѣны и своды церкви покрашены свѣтло-сѣрою краскою; на хорахъ же Вознесенской церкви, въ правомъ придѣлѣ въ честь Всѣхъ Святыхъ, на мѣсто стараго, сдѣланъ новый иконостасъ [1]). Къ концу 1818 года почти совершенно закончилась реставрація Вознесенской церкви, получившей за это время почти тотъ самый видъ, какой она имѣетъ и понынѣ.

Въ періодъ времени съ 1816 по 1819 годъ ремонтирована и трапезная церковь. Въ 1816—1817 гг. сдѣлана новая крыша и перестроенъ деревянный куполъ съ главой; стѣны церкви снаружи оштукатурены и совершенно отдѣланъ внутри надстроенный еще при Шаховской второй этажъ этой церкви. Вся эта работа произведена на общія монастырскія средства [2]). Въ 1818—1819 гг., на собственныя средства монахини Смарагды Набоковой, устроена во второмъ этажѣ церковь въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери, богато украшенная святыми иконами и прочими предметами церковной утвари. Ко 2 октября 1819 г. эта церковь была совершенно отдѣлана, и въ томъ же мѣсяцѣ состоялось освященіе ея. Въ церкви свв. Флора и Лавра, находившейся въ нижнемъ этажѣ теплой церкви, на средства послушницы Елис. Ил. Раевской, устроенъ былъ новый иконостасъ и отдѣлано горнее мѣсто [3]).

Въ 1817—1819 гг. Флоровскому монастырю была выдана остальная часть высочайше ассигнованной на возобновленіе монастыря суммы [4]), и дѣло дальнѣйшаго возобновленія монастыря пошло быстрыми шагами впередъ. На часть этой суммы, въ 1821 г., во Флоровскомъ монастырѣ устроенъ большой деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ для помѣщенія монахинь, каменный одноэтажный домъ для игуменіи, ремонтирована колокольня и вы-

---

[1]) Монастыр. арх., №№ 7, 68, 40 и 8.

[2]) Монастыр. арх., № 2.

[3]) Монастыр. арх., №№ 2, 45 и 67.

[4]) См. приходо-расходную книгу за 1812—1821 гг.

строена съ сѣверной, восточной и южной сторонъ монастыря, и по нынѣ существующая, каменная ограда [1]).

Достаточно уже возобновленный Флоровскій монастырь въ 1821 году едва снова не сдѣлался жертвой пламени. 16 августа, въ 5 часовъ утра, загорѣлся монастырскій деревянный сарай, служившій мѣстомъ для склада дровъ; огонь перешелъ на близъ-лежавшій большой деревянный корпусъ, въ которомъ помѣщались монахини, и въ короткое время истребилъ его до тла; уже загорѣлась, было, крыша на другомъ жиломъ деревянномъ корпусѣ; но, благодаря энергичнымъ усиліямъ со стороны пожарной команды, вскорѣ прибывшей на мѣсто пожара, успѣла сгорѣть лишь кровля загорѣвшагося корпуса, и пожаръ былъ прекращенъ [2]).

Печальное событіе 16 августа 1821 г. послужило грознымъ предостереженіемъ для Флоровскаго монастыря и вразумляло строительницъ его.

До сихъ поръ во Флоровскомъ монастырѣ, какъ мы видѣли, всѣ жилыя зданія, кромѣ настоятельскаго дома, были деревянныя; съ 1822 года заботы игум. Норовой направляются къ замѣнѣ деревянныхъ построекъ каменными. Съ 1822 г. по 1832 г.,—частью изъ остатка высочайше ассигнованной въ 1812 г. суммы, частью же изъ церковныхъ и экономическихъ доходовъ монастыря, заботами Смарагды Норовой воздвигнута была большая часть жилыхъ каменныхъ зданій — изъ числа существующихъ нынѣ въ монастырѣ [3]).

Во время управленія монастыремъ Смарагдою построена была каменная Воскресенская церковь въ 1824 г., такъ какъ построенная въ 1757 г., иждивеніемъ Нектаріи Долгоруковой, деревянная Воскресенская церковь во время пожара 1811 г. до основанія сгорѣла. Каменная Воскресенская церковь воздвигнута была иждивеніемъ щедрой благотворительницы графини А. Р. Чернышевой. Начатая

[1]) Монастыр. арх., №№ 38 и 100.

[2]) Монастыр. арх., № 98.

[3]) Монастыр. арх., №№ 75, 77, 91, 94, 95, 96, 97.

въ 1821 г., она была совершенно окончена въ 1824 г, и 6 іюля этого же года освящена [1]).

Послѣ Смагарды Норовой, игуменьей въ Флор. монастырѣ была Смагарда Набокова; назначенная настоятельницей монастыря 31 декабря 1832 г., эта игуменія управляла имъ до 18 сентября 1834 г. [2]).

Досточестная игуменія Смагарда Набокова оставила по себѣ вѣчную память въ обители своею широкою благотворительностью въ ея пользу. Доселѣ мы упоминали нѣсколько разъ славное имя Набоковой, какъ одной изъ главныхъ сотрудницъ игуменіи Норовой по возобновленію монастыря. Въ 1816—1817 гг. Набокова пожертвовала на возобновленіе обители 6749 рубл.; на собственныя средства Смагарды Норовой и Смагарды Набоковой въ 1817 г. оштукатурена снаружи Вознесенская церковь; Набоковой же въ 1818 г. вызлащенъ кіотъ, въ которомъ находится чудотворный образъ Божіей Матери. Но самымъ цѣннымъ памятникомъ ея благочестія служитъ устроенная ею въ 1818—1819 гг. церковь въ честь Тихвинской Божіей Матери. Ревнуя о благосостояніи Флоровскаго монастыря, игум. Смагарда Набокова и на смертномъ ложѣ своемъ не забыла облагодѣтельствованной ею обители, завѣщавъ ей въ вѣчное пользованіе проценты съ трехъ банковыхъ билетовъ въ 20 т. руб. [3]).

Что касается дѣятельности Смагарды Набоковой, какъ настоятельницы Флоровскаго монастыря, то извѣстны заботы этой игуменьи о благолѣпіи Вознесенской и теплой церквей: лѣтомъ 1833 г. крыши на этихъ церквахъ вновь покрашены; обѣ церкви снаружи побѣлены, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и оштукатурены; въ церкви же свв. Флора и Лавра сдѣланъ новый деревянный полъ [4]).

Капитальнаго ремонта и выдающихся построекъ въ игуменство Набоковой не было: Флоровскій монастырь какъ бы отдыхалъ послѣ

---

[1]) Монастыр. арх., № 24; Н. Закревскій, Оп. Кіева, стр. 874.

[2]) См. послужной списокъ этой игуменьи.

[3]) Монастыр. арх., № 13.

[4]) Монастыр. арх., № 27.

прежней сильно-напряженной дѣятельности и запасался силами и средствами къ той капитальной постройкѣ, которая свершилась при преемницѣ Набоковой.

По смерти Смарагды Набоковой, въ теченіи 8-ми мѣсяцевъ Флоровскимъ монастыремъ управляла казначея его, монахиня Ювеналія Михайловичъ; въ маѣ 1835 г. на должность игуменіи была избрана инокиня Ѳомаида, управлявшая монастыремъ всего лишь четыре мѣсяца—до 26 сентября 1835 г., когда настоятельницей монастыря утверждена Ювеналія Михайловичъ [1]).

Въ управленіе Ювеналіи Михайловичъ Флоровск. монастырь пріобрѣлъ нѣсколько земельныхъ владѣній, что увеличило матеріальныя средства его.

Еще около 1819 года игум. Смарагда Норова обращалась къ бывшему тогда кіевскому генералъ-губернатору М. А. Милорадовичу съ ходатайствомъ объ отдачѣ Флоровскому монастырю принадлежавшей тогда городу горы Киселевки [2]), въ виду того, что

---

[1]) См. послужные списки этихъ игуменій.

[2]) Славное историческое прошлое, которое имѣетъ за собой гора Киселевка, побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ прошломъ. Названіе „Киселевка" гора эта получила, сравнительно, въ позднее время,—со второй половины 17 вѣка: названа она Киселевкой по имени Адама Киселя, бывшаго последнимъ кіевскимъ воеводою, назначеннымъ отъ польскаго правительства, и умершаго въ 1653 г. Раньше же эта гора называлась „Здыхальницею" (пишутъ и—Уздыхальницей, Вздыхальницей) или „Замковой" горой. Послѣднее названіе, объясняется тѣмъ, что въ древности на ней находился „Замокъ", или кіевская крѣпость. Время основанія этого замка не извѣстно; историческія данныя о немъ начинаются съ 1416 года. Въ этомъ году татарскій ханъ Эдигей напалъ на Кіевъ и разорилъ его; однако же, не смотря на всѣ усилія, этотъ ханъ не могъ взять замка. Въ 1482 г. крымскій ханъ Менгти-Гирей неожиданно подступилъ къ Кіеву, безъ сраженія взялъ замокъ, и самаго воеводу кіевскаго Ивана Ходкевича захватилъ въ плѣнъ. Разоренный замокъ былъ возобновленъ и служилъ резиденціей для кіевскихъ воеводъ (назначавшихся отъ польскаго правительства) до начала второй половины 17 вѣка. Около этого времени древній замокъ прекратилъ свое существованіе: можно думать, казаки, возставшіе подъ предводительствомъ Богдана на притѣснителей—поляковъ, разорили и замокъ, бывшій резиденціей польскихъ воеводъ. Впослѣдствіи кіевская крѣпость устроена была на Старомъ Городѣ; мѣстность же на которой находился древній замокъ—гора Киселевка—отошла въ вѣдомство города.

«городъ отъ сей горы никакой пользы, сколько монастырю извѣстно, не имѣетъ, и она къ жительству, по чрезвычайной вышинѣ и неудобнаго на оную въѣзда, вовсе не способна, но для монастыря весьма была бы полезна, и ежели бы отдана она была навсегда въ пользу монастыря, то по времени монастырь соорудилъ бы на ней каменную церковь, которая и мѣсто и самый городъ украшала бы, а подлѣ оной на пространствѣ горы той погребаемы бы были тѣла сестеръ монастыря Флоровскаго, въ вѣчность переселяющихся, которыя нынѣ погребаются на общемъ съ мірянами кладбищѣ»... [1]). Но эта просьба Норовой была удовлетворена лишь отчасти: въ 1819 г. Флоровскому монастырю отдана только отлогость горы Киселевки (со стороны монастыря), между тѣмъ какъ поверхность горы осталась во владѣніи города [2]). Лишь въ 1835 г., по ходатайству игум. Ювеналіи, монастырю отдана была и поверхность горы [3]). Впрочемъ, гора Киселевка пріобрѣтаетъ для монастыря весьма важное значеніе нѣсколько позже; въ данную же пору гораздо важнѣе для него было слѣдующее земельное пріобрѣтеніе. 4 іюня 1836 г. Государь Николай Павловичъ, «по доходящимъ до Его Величества свѣдѣніямъ, что по многимъ мѣстамъ иноческія обители, древнимъ благочестіемъ насажденныя, приходять въ упадокъ отъ недостатка въ способахъ содержанія,... высочайшимъ указомъ соизволилъ, чтобы дарованы имъ были вящшія средства къ существованію... надѣленіемъ изъ казенныхъ дачъ... такими участками земли, которые могли бы удобнѣе служить къ устройству земледѣльческаго хозяйства, примѣрно отъ ста до ста пятидесяти десятинъ и болѣе, вездѣ, гдѣ мѣстныя обстоятельства сіе дозволить могутъ» [4]). Согласно этому высочайшему указу, въ 1836 г. Кіевская дух. Консисторія предложила всѣмъ кіевскимъ монастырямъ и въ числѣ ихъ—Флоровскому—представить ей точныя свѣдѣнія о томъ, сколько и какая именно—удобная или неудобная земля находится во владѣніи монастыря, а вмѣстѣ съ

---

[1]) Монастыр. арх., № 99.

[2]) Ibid.

[3]) Монастыр. арх., № 50

[4]) Монастыр. арх., № 8.

этимъ монастырямъ предлагалось указать, какія именно изъ находящихся вблизи Кіева казенныхъ угодій каждый монастырь желаетъ «себѣ въ снабдѣніе принять». 15 іюля 1836 года игуменія Михайловичъ, доставивъ свѣдѣнія о количествѣ земли, находящейся во владѣніи Флор. монастыря, ходатайствовала о надѣленіи его 95 десятинами пахатной и сѣнокосной земли, находящейся подъ хуторомъ Хмеліовщиной, въ семи верстахъ отъ Кіева. Оказалось, что просимая земля не могла быть отдана монастырю, и ему предоставлялось право избрать другой участокъ земли. Въ виду этого, Флоровскій монастырь, въ началѣ 1839 г., обратился чрезъ посредство Кіевской консисторіи съ ходатайствомъ объ отводѣ ему 100 десятинъ пахатной земли, находящейся подъ деревней Шулявщиной. Но и эта просьба не могла быть удовлетворена, по недостатку въ томъ мѣстѣ земли для крестьянъ» [1]). Взамѣнъ просимой земли Флоровскому монастырю отведено въ 1840 г. 56 десятинъ сѣнокосной земли возлѣ села Козина; а кромѣ того дана отъ казны мельница въ селѣ Ходосоккѣ на ручьѣ Рославкѣ [2]); пахатной же земли монастырь не получилъ.

Но особенно важнымъ событіемъ въ исторіи Флоровскаго монастыря, въ игуменство Ювеналіи, является построеніе теплой Казанской церкви. Необходимость построенія этой церкви опредѣлялась слишкомъ малыми размѣрами существовавшей до сего времени теплой церкви, съ одной стороны,—и постояннымъ увеличеніемъ количества насельницъ монастыря, съ другой. Небольшая по своимъ размѣрамъ Флоро-Лаврская церковь, въ которой совершалось богослуженіе въ осеннее и зимнее время, далеко не достаточна была для вмѣщенія всѣхъ монашествовавшихъ, не говоря уже о стороннихъ богомольцахъ, усердно посѣщавшихъ и посѣщающихъ Флоровскую обитель [3]).

Еще съ 1836 г. игум. Ювеналія энергично взялась за изысканіе средствъ къ удовлетворенію этой вопіющей духовной нужды монастыря, обратившись къ благотворительности доброхотныхъ

---

[1]) Монастыр. арх., № 30.

[2]) Ibid.

[3]) Монастыр. арх., №22.

дателей. Отчасти на собранныя съ просительною книгою пожертвованія, отчасти же на монастырскія средства и построена капитальная теплая церковь въ честь иконы Казанской Божіей Матери, свв. мучениковъ Флора и Лавра и св. Іоанна Богослова. Заложенная 15 апрѣля 1841 года, эта трехъ-престольная церковь окончена къ 1844 году, и 28 іюля того же года состоялось ея освященіе [1]). Съ построеніемъ новой теплой церкви, сюда перенесенъ престолъ во имя свв. Флора и Лавра изъ прежней теплой церкви; въ послѣдней же въ 1844 году устроено помѣщеніе для ризницы [2]).

Капитальная постройка Казанской церкви потребовала отъ монастыря громадныхъ издержекъ; но ревностная игум. Ювеналія съумѣла найти средства и на другія постройки. Въ 1844—1845 гг. по отлогости Киселевской горы, съ сѣверной стороны ея, на протяженіи 25 саж. устроена была каменная ограда [3]).

Послѣ Ювеналіи Михайловичъ, Флоровскимъ монастыремъ управляла Серафима Вонлярлярская. Дочь гвардіи поручика А. В. Вонлярлясраго, игум. Серафима родилась въ 1808 году; въ 1837 г. поступила во Флоровскій монастырь; въ 1840 г. приняла монашество, а 22 декабря 1847 г. опредѣлена игуменьей монастыря [4]).

Важнѣйшимъ дѣломъ Серафимы Вонлярлярской, какъ настоятельницы Флоровскаго монгстыря, было построеніе ограды на горѣ Киселевкѣ. Постройка эта начата въ маѣ 1848 г. и окончена къ концу 1850 г. [5]). Возведеніе этой ограды (длиною около 200 саж.) весьма затрудняемо было значительною крутизною горы, вслѣдствіе чего и стоило монастырю очень дорого—около 10 т. рублей [6]).

Преемницей Серафимы Вонлярлярской, скончавшейся 10 іюля 1833 года, была Агнія Гриндлингъ, управлявшая монастыремъ до 38 сентября 1865 г. [7]).

---

[1]) Монастыр. арх., № 43

[2]) Ibid.

[3]) Монастыр. арх., № 85.

[4]) Послужной списокъ этой игуменьи.

[5]) Монастыр. арх., № 109.

[6]) Ibid.

[7]) Послужной списокъ игум. Гриндлингъ.

Въ игуменство Агніи Гриндлингъ Флоровскій монастырь исполнилъ свой давнишній обѣтъ «соорудить на горѣ Киселевкѣ каменную церковь»...

Инціатива построенія этой церкви принадлежитъ, собственно, игуменіи Вонлярлярской. Еще въ іюнѣ 1852 году игум. Серафима приступила къ изысканію средствъ на предположенную постройку. Съ благословенія митрополита кіевскаго Филарета, успѣшно начатъ былъ сборъ пожертвованій отъ доброхотныхъ дателелей [1]); но смерть прекратила заботы Серафимы объ этомъ дѣлѣ: въ 1853 г. игум. Серафима скончалась, завѣщавъ своей преемницѣ по игуменству—продолжить и закончить начатое ею доброе дѣло.

Въ 1854 году, посредствомъ сбора по просительной книгѣ, Флоровскій монастырь пріобрѣлъ уже значительную сумму [2]); съ этими пожертвованіями, съ одной стороны,—и съ помощію спеціально монастырскихъ (экономическихъ) доходовъ [3]), съ другой, игуменія Агнія и приступила въ началѣ 1854 года къ постройкѣ церкви, заложенной въ честь св. Тройцы и Ахтырской Божіей Матери. Къ сентябрю 1857 года работа совершенно была закончена, и церковь освящена [4]).

Одновременно съ сооруженіемъ Троицкой церкви, стараніемъ игум. Агніи, устроенъ былъ одноэтажный каменный домъ, съ сѣверо западной стороны церкви; по восточной отлогости Киселевки разведенъ садъ; въ 1858—1859 гг., для въѣзда на гору, устроена извилистая дорога [5]), и съ этихъ поръ на горѣ Киселевкѣ, возлѣ церкви, заведено кладбище для погребенія покойницъ Флоровскаго монастыря [6]).

---

[1]) Монастыр. арх., № 66.

[2]) Монастыр. ара., № 11.

[3]) Ibid.

[4]) Монастыр. арх., №№ 55 и 114

[5]) Монастыр. арх., № 83.

[6]) Впрочемъ, тѣла покойницъ-инокинь были погребаемы на горѣ Киселевкѣ еще съ 1840 года, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ, за отсутствіемъ болѣе или менѣе удобной дороги для взвоза на крутую гору; вотъ почему до 1859 г. почти всѣ покойницы-инокини погребались на общемъ съ мірянами кладбищѣ

При игуменіи же Агніи Гриндлингъ снова началось совершеніе богослуженія въ нижнемъ этажѣ древнѣйшей,—прежде бывшей теплой,—церкви монастыря. Съ построеніемъ Казанской церкви въ правый придѣлъ ея перенесенъ, какъ упоминали мы раньше, престолъ во имя свв. муч. Флора и Лавра; бывшая же Флоро-Лаврская церковь обращена въ помѣщеніе для ризницы. Въ 1857 г. въ нижнемъ этажѣ устроенъ алтарь во имя св. Николая; ризница же съ тѣхъ поръ стала помѣщаться въ прилегающей къ Николаевской церкви (слѣва) обширной залѣ,—той самой, которая въ прежнюю пору носила названіе «трапезной»[1]).

Преемницей Агніи Гриндлингъ по управленію Флоровскимъ монастыремъ была игуменія Парѳенія Адабашъ, управлявшая монастыремъ до 3 іюня 1881 г.[2]).

Стараніемъ и усердіемъ этой досточестной игуменіи, въ 1870 году, стѣны и своды Казанской церкви расписаны художественной живописью, арки—фресками, вызолочены карнизы и возобновленъ иконостасъ.

(на Щекавицѣ): съ 1859 же года гора Киселевка стала служить исключительнымъ мѣстомъ для погребенія инокинь (см. Монастыр. арх., № 66).

Важное значеніе горы Киселевки для Флоровскаго монастыря еще болѣе усилилось тѣмъ, что съ конца 60-хъ годовъ на этой горѣ (а отчасти и внизу—вблизи Казанской церкви) начали погребать и нѣкоторыхъ покойниковъ мірянъ, родственники которыхъ не скупились на приношенія Флоровскому монастырю—на поминъ ихъ душъ. Въ настоящее время въ Флоровскомъ монастырѣ имѣется такихъ приношеній разными банковыми билетами на сумму свыше 30000 руб., проценты съ которыхъ поступаютъ въ распоряженіе монастыря. Укажемъ фамиліи нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе знатныхъ, покойниковъ-міранъ, погребенныхъ во Флоровскомъ монастырѣ. На горѣ, вблизи Троицкой церкви, между прочими погребены: князь Ал. Баратовъ, ректоръ кіевск. университета Ник. Иванишевъ, профессоръ Ор. Новицкій, инокъ Николай,—въ мірѣ инж. Чеснокъ, тайн. сов. Ал. Ключаревъ, купецъ Ал. Некрасовъ, Иванъ Масалитинъ, Николай и Софія Пчелкановы, Фил. Мальчевскій и много другихъ зажиточныхъ кіевлянъ. Вблизи Казанской церкви: князь Сергѣй Мещерскій, князь Ив. Ширинскій-Шихматовъ, Вас. Хомяковъ, Всев. Тарнавскій, проф. Ал. Штрогоферъ, протоіерей Іоакимъ Игнатовичъ, жена ген. Ал. Роттъ и мн. др.

[1]) Монастыр. арх., № 91.

[2]) См. послужной списокъ игум. Парѳеніи и Кіев. Епарх. Вѣдомости за 1881 г., №№ 27—28.

Игуменіи Парѳеніи монастырь обязанъ устройствомъ благочиннаго пѣнія, которое до того времени исполнялось клирошанками безъ должнаго порядка. Парѳенія значительно улучшила состояніе монастырской больницы—богадѣльни (для престарѣлыхъ монахинь); около этого же времени заботами ея, въ виду тѣсноты помѣщенія для инокинь, построено нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ зданій для жительства монахинь.

Но особенно важнымъ дѣломъ игум. Парѳеніи, увѣковѣчившимъ память ея, было устроеніе въ Флоровскомъ монастырѣ пріюта-жилища для дѣвочекъ. Въ спеціально для этой цѣли пріобрѣтенномъ на средства монастыря, возлѣ самой ограды монастырской, домѣ съ 1 января 1877 года открыто это благодѣтельное учрежденіе, куда стали приниматься—малютки сироты и дѣти бѣдныхъ родителей разнаго званія на полное монастырское содержаніе. Съ истинно-материнскою любовью относилась иг. Парѳенія къ этому своему духовному дѣтищу: она была главною преподавательницею и воспитательницею для своихъ любимыхъ пріютянокъ.

Кромѣ того, не можемъ пройти молчаніемъ еще одного памятника, характеризующаго сокровенную, внутреннюю жизнь этой замѣчательной личности,—разумѣемъ ея стихотворенія, напечатанныя въ Кіевѣ въ 1875 г. Стихотворенія эти—плоды досуга и отдыха отъ подвижническихъ трудовъ—матери Парѳеніи. Поэзія ея—характера исключительно и строго-религіознаго. По гладкости и плавности стиха, по художественной, по мѣстамъ, конкретности образовъ и по силѣ мысли и чувства, въ произведеніяхъ игуменіи Парѳеніи нельзя не признать нѣкотораго таланта. По содержанію своему, стихотворенія игум. Парѳеніи—голосъ души, безусловно отрѣшившейся отъ коварнаго и грѣшнаго міра и всецѣло погруженной въ созерцаніе міра горняго, божественной истины и блага вѣчнаго. Поэтическая мысль отшельницы питалась и одушевлялась, главнымъ образомъ, истинами Слова Божія: тайною искупленія, великими событіями изъ жизни Спасителя, Его божественнымъ ученіемъ, преимущественно нагорною проповѣдью,—притчами, особенно—тѣми, которыя выражаютъ безконечную любовь Божію къ грѣшникамъ,—а также грозными пророчествами Исаіи и отдѣльны-

ми текстами Св. Писанія,—иногда же и мыслями св. Тихона Задонскаго. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ слышится глубокая вѣра и живое христіанское чувство, находившія въ святой истинѣ христіанства высочайшее духовное успокоеніе и блаженство. Кромѣ истинъ Вѣры, стихотворенія игуменьи Парѳеніи имѣютъ предметомъ и ея личный, внутренній духовный міръ, какъ монахини, отшельницы отъ міра. Въ этомъ отношеніи они поучительны, какъ апоѳеоза монашества, какъ выраженіе высокаго духовнаго удовлетворенія автора—монахини своимъ состояніемъ. Отрекшись отъ всѣхъ радостей и удовольствій свѣта, такъ доступныхъ и заманчивыхъ для людей съ состояніемъ и высокимъ положеніемъ въ обществѣ, игум. Парѳенія въ служеніи Богу подъ сѣнію монастырской келліи нашла для себя полное удовлетвореніе, «нашла у Господа Бога... свой... чистый святой идеалъ», который освѣщалъ всю ея жизнь высшимъ духовнымъ миромъ, никогда не перестававшимъ быть свѣточемъ для благочестивой отшельницы. Таковъ характеръ и таково въ общемъ содержаніе стихотвореній, ярко отразившихъ въ себѣ свѣтлую душу досточестной игуменіи Парѳеніи Арабашъ [1]).

Достойная преемница Парѳеніи по настоятельству въ Флоровскомъ монастырѣ—игум. Елеазара Губертъ управляетъ монастыремъ и въ настоящее время.

Игуменія Елеазара, въ мірѣ—баронесса Елена Губертъ,—дочь полтавскаго дворянина полковника Гельфрейхтъ. Въ 1861 г. баронесса Елена Губертъ поступила въ Флоровскій монастырь; затѣмъ, около 7 лѣтъ жила въ Ржищевскомъ Преображенскомъ женскомъ монастырѣ (кіевск. губ.); потомъ въ 1868 году переведена во Флоровскій монастырь и въ апрѣлѣ 1882 г. утверждена настоятельницей Флоровскаго монастыря.

Н. Малиженовскій.

---

[1]) Кіев. Епарх. Вѣд. за 1881 г., № 27—28.

Изъ церковной лѣтописи Богоявленскаго прихода м. Паволочи, сквирскаго уѣзда [1]).

II.

Приходская церковь.

Съ давнихъ временъ существовала въ м. Паволочи церковь; но когда и кѣмъ она была построена—неизвѣстно. Авторъ извѣстнаго сочиненія — «Описаніе населенныхъ мѣстностей кіевской губ.» — Л. Пихилевичъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ, удостовѣряетъ, «что Богоявленская церковь Паволочи на правой сторонѣ рѣки, на предмѣстьѣ, построена въ 1730 году». Полагать должно, что она существовала на этомъ мѣстѣ и раньше, такъ какъ весь погостъ церковный переполненъ совсѣмъ истлѣвшими и полу-истлѣвшими человѣческими костями, изъ чего нужно заключать, что въ очень древнее время здѣсь была церковь съ кладбищемъ.

Въ 1838 году, когда на Паволочскій Богоявленскій приходъ поступилъ отецъ мой, онъ засталъ старенькую покосившуюся на бокъ церковь, весьма убогую; подлѣ церкви было значительное пустопорожнее мѣсто, а самая церковь была огорожена плохимъ, грубой работы, частоколомъ. Она была о пяти куполахъ, которые размѣщены были безъ всякой симметріи, такъ что каждый куполъ былъ особой конструкціи и вкуса доморощенныхъ архитекторовъ. Вся церковь была очень маленькихъ размѣровъ,—не болѣе 12 аршинъ въ діаметрѣ, не считая небольшой алтарной пристроечки. Какъ оригинальность, терпимую только въ тѣ отдаленныя времена, составляло то, что во всѣхъ четырехъ куполахъ, за исключеніемъ алтарнаго, въ фасадной сторонѣ продѣланы были дыры, нѣчто въ родѣ нишъ. Это предназначалось для выводки голубей и воробьевъ: тамъ въ пустомъ пространствѣ куполовъ на особыхъ жердяхъ привѣшены были кошели или такъ называемые по мѣстному «голубники», въ которыхъ и выводилась названная птица. Разумѣется, что отецъ мой обратилъ на это, неподходящее для дома Божія, разведеніе птицъ—свое внима-

[1]) К. Еп. Вѣд. 1895 г. № 10.

ніе, и ниши были задѣланы. Но «голубники» остались внутри куполовъ и, какъ археологическая рѣдкость, сохранялись до настоящаго года, когда старая церковь, въ виду постройки новой, была разобрана; при этомъ оказалась тамъ такая масса голубиныхъ яичныхъ скорлупъ, помету и другого сора въ видѣ голубиныхъ и воробинныхъ гнѣздъ, что ими было заполнено все пустое пространство одного изъ уцѣлѣвшихъ до послѣдняго времени куполовъ. Нужно очень удивляться, какъ эта церковь могла просуществовать столь продолжительное время, такъ какъ она была построена крайне непрочно,—изъ стараго, бывшаго раньше въ употребленіи, протрухшаго матеріяла.

Насколько была жалка церковь по своему наружному виду, настолько же она была убога и внутреннимъ убранствомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Такъ, на самомъ видномъ мѣстѣ ея стоялъ одноярусный о четырехъ образахъ иконостасъ. Живопись была самая грубая,—столярная работа—топорная; при этомъ не достатокъ свѣта и воздуха дополнялъ и безъ того тяжелое впечатлѣніе. Иконостасъ былъ украшенъ статуйными ангелами, которые, кромѣ того, были размѣщены въ большомъ безпорядкѣ и по всей церкви и алтарной части ея. И предъ самими царскими вратами стояли также два ангела; изъ нихъ одинъ держалъ въ воинственной позѣ пламенный мечъ въ рукахъ, а въ другой рогъ изобилія. Въ этотъ рогъ благочестивыми жертвователями вставлялась самыхъ грандіозныхъ размѣровъ и домашней плохой работы восковая свѣча. Во время совершенія богослуженія свѣча, обыкновенно, зажигалась, при чемъ изъ фитиля свѣчи, сдѣланнаго изъ тряпки, пылалъ огонь, наполнявшій церковь удушливымъ запахомъ и сильною копотью, которая слоями ложилась и по стѣнкамъ церкви и по всѣмъ предметамъ, бывшимъ внутри ея.

Отецъ мой, какъ молодой священникъ,съ первыхъ-же лѣтъ своего священства обратилъ самое серьезное вниманіе на преобразованіе храма и приведеніе его въ болѣе благообразный видъ. Но что онъ могъ сдѣлать на первыхъ порахъ своего священнослуженія, не имѣя твердой почвы подъ ногами, безъ всякихъ средствъ и матеріальной поддержки отъ

кого-бы то ни было? Да и кто могъ ему помочь? Прихожане народъ бѣдный, загнанный и забитый, находившійся въ рабской зависимости отъ помѣщиковъ, которые распоряжались не только достояніемъ, но нравственною свободою и даже жизнію и смертію подвластныхъ. Помѣщики въ Богоявленскомъ приходѣ не жили, а въ сосѣднемъ Покровскомъ, и они въ то время церкви Божіей мало прилежали. Свое состояніе они, обыкновенно, тратили на балы, пиршества, выѣзды въ губернскіе и столичные города, на псовую охоту и тому подобныя пустыя и праздныя затѣи. А духовенство того времени, вслѣдствіе недобропорядочной жизни и поведенія, а главное недостаточной степени образованности, свѣтскаго лоска и приличной обстановки, пользовалось полнымъ пренебреженіемъ со стороны высокомѣрныхъ, отличавшихся внѣшнимъ блескомъ и роскошью, польскихъ магнатовъ. Что же послѣ этого удивляться, если и самыя благія начинанія по части благоустройства церкви и прихода—сельскаго духовенства, вслѣдствіе вышеизложенныхъ причинъ, не встрѣчали сочувствія со стороны помѣщиковъ?

Но, не взирая на все это, отецъ мой, задавшись цѣлію преобразовать, елико возможно, свою церковь и приходъ, неуклонно шелъ по разъ избранному имъ пути. А посему, на первыхъ-же порахъ своего пастырскаго служенія, онъ постарался сблизиться съ владѣльцами имѣнія, хотя и не своими прямыми прихожанами. И это ему отчасти удалось. Благо въ то время имѣніе перешло къ православнымъ помѣщикамъ—Андрею и Ѳеодору Ивановичамъ Уваровымъ, а чрезъ два-три года ихъ наслѣдникамъ. Благодаря этому сближенію и умѣнью внушить къ себѣ довѣріе и расположенность, и приходская церковь, мало по малу, стала принимать болѣе благоприличный видъ. Такъ, въ началѣ 40 годовъ два боковыя купола были уничтожены и церковь осталась трехъ-купольною, имѣя видъ сохранившихся еще отчасти и по сію пору старыхъ сельскихъ церквей кіевской епархіи. Внутри она была выкрашена, иконостасъ обновленъ, стоявшіе предъ царскими вратами ангелы перенесены въ другое мѣсто. Погостъ церковный былъ спланированъ, обсаженъ вокругъ густымъ рядомъ липъ, сохранившихся отчасти и по сіе время, и огороженъ приличною оградою.

Въ 50-хъ годахъ подъ зданіе церкви подложенъ былъ каменный фундаментъ,—пристроены два придѣла, церковь была росписана стѣнною живописью; въ числѣ иконъ одна—за престольный образъ Божіей Матери знаменія—была кисти извѣстнаго во времена митрополита Филарета живописца іеромонаха Иринарха. Въ 60-хъ годахъ былъ совершенно реставрированъ иконостасъ нѣкіимъ Звѣздовскимъ,—надстроены были еще три яруса, стѣны былиукрашены иконами въ золоченныхъ рамахъ, сдѣланы два угловыя кіота,—и съ этого время церковь, не смотря на свои миніатюрные размѣры, до самаго послѣдняго времени имѣла весьма благолѣпный видъ, такъ что настоятель ея неоднократно удостоивался благодарности и наградъ со стороны обозрѣвавшихъ церковь архипастырей. Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, благодаря усилившемуся приливу собственныхъ церковныхъ суммъ, церковь имѣла полную возможность, за удовлетвореніемъ настоятельныхъ нуждъ, тратить избытокъ ихъ на поддержку и украшеніе ея какъ внутри, такъ и снаружи. Такъ, въ началѣ 60-хъ годовъ церковь была расширена пристройкою довольно длинного корридора съ входной стороны, такъ называемаго «бабныка,» вмѣстимостью на 100—150 душъ. Спустя два-три года, внутреннія стѣнки храма были заново росписаны стѣнною живописью и орнаментами,—устроены хоры для новоорганизованнаго хора пѣвчихъ,—кресты на церкви и колокольнѣ перезолочены, а крыша и стѣны выкрашены, при чемъ на фронтонахъ были написаны священныя изображенія. Тогда-же была сдѣлана существующая отчасти и по сіе время штафетная довольно цѣнная ограда.

Но какъ ни поддерживалась церковь, все таки отъ времени приходила она въ ветхость, а вслѣдствіе быстраго прироста населенія и ограниченной вмѣстительности, не удовлетворяла потребнотямъ прихожанъ. Это обстоятельство весьма печально отражалось на религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ, не имѣвшихъ возможности въ значительномъ количествѣ принимать участіе въ общественной молитвѣ. Еще 1 апрѣля 1869 года, по предписанію кіевскаго церковно-строительнаго присутствія, инженеръ губернскаго правленія Гешвендъ заключилъ Актъ о необходимости

устройства въ Богоявленскомъ приходѣ м. Паволочи новой церкви, вмѣсто существующей старой, по малой вмѣстительности ея и особаго положенія прихода въ религіозни-политическомъ отношеніи, благодаря дурному вліянію латино-польской пропаганды и еврейскаго кагала. Но это заключеніе ученаго техника и благое желаніе прихожанъ имѣть у себя новый храмъ въ то время не могло быть приведено въ исполнэніе, вслѣдствіе крайней несостоятельности ихъ, едва только вышедшихъ изъ крѣпостнической неволи. Тѣмъ не менѣе сѣмя, брошенное въ добрую землю, должно было принести плодъ во время свое. Мысль о необходимости устройства храма росла и крѣпла у прихожанъ, и только откладывалась до болѣе благопріятнаго времени, такъ какъ на постройку храма большихъ размѣровъ и благолѣпнаго вида нужна была значительная сумма,—не менѣе 20.000 руб.

22 октября 1882 года былъ составленъ первый приговоръ общаго собранія прихожанъ о крайней необходимости устройства новаго храма и установленъ былъ небольшой сборъ по 50 коп. съ каждой болѣе или менѣе достаточной семьи на постройку храма. Но такъ какъ этого сбора было бы не достаточно, то тѣмъ же приговоромъ постановлено было хлопотать о выдачѣ пособія и отъ казны на постройку храма. И вотъ, 21 января 1883 г., отъ паволочскаго Богоявленскаго церковно-приходскаго попечительства было подано на имя кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора прошеніе, въ которомъ просили дать направленіе дѣлу о выдачѣ пособія отъ казны, въ размѣрѣ половинномъ стоимости церкви. Это прошеніе было передано начальникомъ края кіевскому губернатору для представленія въ церковно-строительное присутствіе.

27 августа того же 1883 г. м. Паволочь посѣтилъ высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, и ему протоіереемъ Серапіономъ Бряковскимъ и прихожанами лично была заявлена просьба объ исходатайствованіи пособія на постройку храма. Такъ какъ владыка изъ личнаго обозрѣнія удостовѣрился въ томъ, что для прихода настоятельно нужна новая просторная церковь, то онъ и обѣщалъ ходатайствовать объ этомъ дѣлѣ; вслѣдствіе сего 2 сентября 1893 года и было подано на

имя его высокопреосвященства прошеніе. Но, къ величайшему сожалѣнію, представленіе въ Бозѣ почившаго митрополита Платона не возымѣло надлежащаго дѣйствія, и указомъ Кіевской духовной Консисторіи отъ 10 марта 1884 г., за № 3586, дано было знать попечительству, что такъ какъ въ м. Паволочѣ Покровская (другая) церковь построена съ пособіемъ отъ казны и уже освящена, то, въ виду отказа церковно-строительнаго присутствія въ отпускѣ пособія на постройку другой Богоявленской церкви въ томъ же мѣстечкѣ Паволочи, объявить прихожанамъ помянутой церкви, чтобы они позаботились о постройкѣ церкви своей собственными средствами. Епархіальное же начальство можетъ оказать прихожанамъ пособіе для постройки церкви только выдачею одному изъ прихожанъ, выбранному и уполномоченному ими, книги для сбора пособій отъ христолюбивыхъ жертвователей».

Сколь не великъ былъ ударъ прихожанамъ отъ такого увѣдомленія консисторіи, но иниціаторы дѣла не падали духомъ: 10 мая 1884 г. было подано прошеніе о томъ же министру внутр. дѣлъ, а 18 января 1885 г. и г. оберъ-прокурору Св. Синода. Но результатъ этихъ ходатайствъ получился одинъ и тотъ же: за недостаткомъ средствъ, въ ходатайствѣ было отказано, при чемъ оберъ-прокуроръ Св. Синода присовокупилъ, что не возможно разсчитывать на пособіе не только въ настоящемъ году, но и въ будущемъ (Указъ Кіев. дух. Консисторіи отъ 11 іюня 1887 года № 6375).

Тогда церковное попечительство исхлопотало изъ Консисторіи просительную книгу, которая и была выдана 31 іюля 1889 г.,—а затѣмъ обратилось съ воззваніемъ къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Призывъ попечительства встрѣтилъ полное сочувствіе, съ легкой руки въ Бозѣ почившаго митрополита Платона и г. начальника края графа А. П. Игнатьева, которые также внесли свои лепты на святое дѣло. По просительной книгѣ было собрано около 1200 руб., да отъ другихъ лицъ, по предложенію попечительства, до 300 руб. Видя всеобщее сочувствіе къ дѣлу постройки храма отъ лицъ постороннихъ, и прихожане начали относиться къ этому дѣлу гораздо охотнѣе. Такъ, приговоромъ отъ 10 сентября 1889 года, они постановили обратить проценты съ обще-

ственнаго запаснаго капитала въ теченіе 6 лѣтъ на постройку новой церкви. Благодаря этому приговору, а также пожертвованіямъ, поступившимъ раньше отъ прихожанъ, 4 января 1890 г. состоялся новый приговоръ прихожанъ о покупкѣ дубоваго лѣса на новую церковь. Покупкою лѣсного матеріала имѣлось въ виду достиженіе четырехъ цѣлей. Первая—заключалась въ томъ, чтобы положить начало дѣлу; вторая—въ близости доставки матеріала; третья—матерьялъ, приготовленный заблаговременно имѣлъ возможность просохнуть и быть болѣе годнымъ къ употребленію въ дѣло,—а четвертая—побудить прихожанъ къ болѣе усиленнымъ жертвамъ на строительныя нужды. Всѣ эти цѣли, съ Божіею помощію, были достигнуты вполнѣ успѣшно, а въ особенности послѣдняя цѣль, вызвавшая прихожанъ къ дачѣ приговора отъ 6 марта 1891 года, по которому они изъявили согласіе: принять на себя всѣ расходы по постройкѣ новаго храма.

Кто знаетъ, сколько еще прошло бы времени, пока эта цѣль была достигнута, такъ какъ наступили для поселянъ весьма трудныя времена. Такъ, 1891 г. былъ весьма неурожайный, вызвавшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отечества голодъ, а въ нашихъ—поднявшій цѣны на хлѣбъ до небывалаго максимума. Такъ какъ населеніе прихода занимается исключительно земледѣліемъ и, вслѣдствіе плохого урожая, не имѣло продуктовъ для сбыта, то положеніе прихожанъ въ матеріальномъ отношеніи было весьма печальное. Какъ они могли удѣлить значительныя пожертвованія на постройку храма, не имѣя чего ни продать, ни заработать? А въ слѣдующіе годы, при урожаѣ, какъ извѣстно, случился кризисъ, сказавшійся обезцѣненіемъ продуктовъ земледѣлія и весьма затруднительнымъ сбытомъ ихъ,—кризисъ—какъ извѣстно, продолжающійся и до настоящаго времени. Навѣрное дѣло постройки новаго храма, вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, было бы отложено на весьма продолжительное время, если бы на выручку прихожанамъ не явился добрый геній, въ лицѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, имя котораго въ настоящее время и вѣчно будетъ поминаться съ особымъ благоговѣніемъ и благодарностью прихожанами Богоявленской церкви м. Паволочи. Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ

этого же года послѣдовалъ отъ Оберъ-Прокурора Св. Синода чрезъ Кіевскую консисторію запросъ: въ какомъ положеніи находится дѣло постройки новой церкви въ м. Паволочи, такъ какъ причтомъ и прихожанами названной церкви неоднократно возбуждалось ходатайство о назначеніи пособія на это дѣло.

Этотъ запросъ вселилъ новую надежду на возможность полученія пособія на построеніе храма, и немедленно же былъ посланъ отвѣтъ чрезъ подлежащее начальство, а также было подано и новое прошеніе Оберъ-Прокурору Св. Синода, въ коемъ изложено было весьма затруднительное положеніе этого дѣла и невозможность приступить къ постройкѣ храма въ скоромъ времени, не смотря на настоятельную необходимость постройки. Вслѣдствіе такого отзыва епархіальнаго начальства и прошенія попечительства, указомъ Кіевской духовной консисторіи отъ 31 іюля 1892 г. дано было знать, что на постройку новой Богоявленской церкви въ м. Паволочи изъ суммъ церковно-строительнаго кредита Св. Синода можетъ быть отпущено пособіе въ дополненіе къ имѣющимся на этотъ предметъ мѣстнымъ средствамъ не свыше 8000 рублей сер., при чемъ причту и прихожанамъ было предписано немедленно же составить планъ и смѣту на постройку новой церкви и по надлежащемъ разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ въ мѣстномъ строительномъ отдѣленіи представить Оберъ-Прокурору Св. Синода.

Радости прихожанъ, по полученіи этого извѣстія, не было предѣла. Да оно и понятно: при многолѣтнихъ безпрерывныхъ хлопотахъ, какъ будто, потеряна была всякая надежда на полученіе просимаго, и вдругъ просьба удовлетворяется... Разумѣется, съ полученіемъ упомянутаго указа, немедленно же былъ выработанъ кіевскимъ епархіальнымъ архитекторомъ Николаевымъ планъ новаго храма, составлена смѣта и по утвержденіи ихъ, а также по полученіи разрѣшенія на постройку новой церкви, 27 апрѣля 1893 г. новый храмъ, во славу Божію, былъ заложенъ и по окончаніи освященъ 7 ноября 1894 г.

Новый храмъ построенъ съ подряда курскимъ крестьян. И. М. Гапоновымъ за 16000 руб. Храмъ одноглавый, вмѣстѣ съ колокольней, въ русскомъ стилѣ; работа плотничья и столярная весьма прочная и чистая. Мѣстность, на которой стоитъ храмъ, гори-

стая; а при высотѣ самаго храма (съ крестами до 50 аршинъ), онъ возвышается надъ цѣлою окружностью и видѣнъ на разстояніи 15—20 верстъ. Купола храма и колокольни окрашены голубою краскою съ позолотою угловъ и наложеніемъ звѣздъ, что придаетъ много красоты и эффекта новому храму. Верхушки церкви и колокольни вѣнчаютъ два зеркальныхъ креста, которые представляютъ собою замѣчательное и невиданное въ деревнѣ зрѣлище, особенно въ ясные солнечные дни, при восходѣ и заходѣ солнца. Кресты изготовлены въ слесарной мастерской Миллера въ Б. Церкви и, при своей относительной дешевизнѣ (80 руб. за два креста безъ позолоты рамы), представляютъ много прелести и свѣтовыхъ эффектовъ. Храмъ обнесенъ желѣзною изящною оградою работы кіевскаго мастера Карловскаго. Внутренность храма поражаетъ богомольца массою свѣта, а особенно богатымъ иконостасомъ (стоимостью 4300 руб.), устроеннымъ въ мастерской иконостасныхъ дѣлъ мастера А. И. Мурашко. Иконостасъ устроенъ оригинально, изящно,—украшенъ хорошаго письма живописью, очень добросовѣстно,—на золотомъ чеканенномъ фонѣ.

Достопримѣчательность храма составляютъ нѣкоторые предметы—по своей древности, а другіе по цѣнности для сельскаго храма. Такъ, изъ старой церкви перенесены въ новую: 1) Угловой кіотъ съ образами древней работы, существующій отъ времени основанія первой церкви; онъ только обновленъ, а орнаменты и форма остались прежніе. 2) Лжица 1799 г. 3) Евангеліе большихъ размѣровъ, стоящее на престолѣ для украшенія, 1753 г., временъ императрицы Елизаветы Петровны; оно въ цѣнномъ окладѣ, по тому времени стоющее 150 руб. 4) Другое евангеліе также напрестольное, такихъ же размѣровъ и оклада, 1800 года, временъ императора Павла I. 5) Икона нерукотвореннаго образа, на которой есть дата 1728 г., мѣстно чтимая. Это даръ помѣщиковъ Уваровыхъ, благословенная въ ихъ родѣ вступающимъ въ бракъ. 6) Икона св. Николая, также давняя, въ весьма цѣнной по работѣ рамѣ. Это жертва лакея Уваровыхъ. 7) Минея общая, писанная полууставомъ, XV—XVI ст. 8) Плащаница, существующая съ незапамятныхъ временъ.

Изъ предметовъ болѣе позднѣйшаго времени достойны вниманія: 1) сосуды серебрянные 84 пробы, вызолоченные, довольно массивные и цѣнные; 2) крестъ кипарнснаго дерева въ рамѣ низко-пробнаго серебра; 3) трое облаченій цѣнныхъ, серебро-вызолоченной парчи,—изъ коихъ двое пріобрѣтены за счетъ суммъ Св. Синода, а одно пожертвовано казначеемъ Кіевской духовной консисторіи И. В. Комаровскимъ. Кромѣ этого, имѣется еще до 10 перемѣнъ священническихъ облаченій. 4) Хоругви бронзовые, вызолочонные, довольно цѣнные, жертва миров. поср. 2 уч. сквирск. уѣзда, надв. сов. А. Тимешова. 5) Плащаница пунсоваго бархата, шитая золотомъ, въ гробницѣ, цѣнностью до 400 руб. 6) Паникадило бронзовое, вызолоченное, стоимостью 225 руб. 7) Крестъ напрестольный, серебро-вызолоченый, 84 пробы, довольно массивный и цѣнный,—жертва капитана Дзердзеевскаго. 5) Другой крестъ напрестольный, серебро-вызолоч., 84 пробы, пріобрѣтенъ въ 1894 года у кіевскаго купца Фоломина. 9) Два жертвенника и кіотъ на горнемъ мѣстѣ—работы Мурашко, стоимостью до 600 руб.

Кромѣ того, имѣется большой запасъ хоругвей, менѣе цѣнныхъ, столь любимыхъ деревенскимъ людомъ,—процессіональныхъ крестовъ, аналогіевъ и другихъ принадлежностей храма. Вообще, новая церковь, благодаря щедрому пособію, отличается рѣдкимъ на селѣ благоустройствомъ и обстановкою, и потому посѣщается въ значительномъ количествѣ богомольцами изъ окружныхъ селъ и деревень.

Священникъ *С. Брояковскій.*

Библіографическая замѣтка.

Грамматика современнаго церковно-славянскаго языка съ примѣрами для упражненій и задачами. Составилъ Н. А. Муратовъ. Для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній—мужскихъ и женскихъ, для городскихъ и духовныхъ училищъ. Москва. 1894 г. XV + 78. Ц. 45 коп.

Предлагаемая книжка, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи къ *взрослому* читателю, заключаетъ въ себѣ только существенное и необходимое по славянскому языку; излишнія подробности и мелочи, не имѣющія практическаго или научнаго значенія, не нашли въ ней мѣста: грамматическій баластъ, загромождая память ученика, мѣшаетъ ей иногда усвоить существенное; да и мыслимо ли предлагать грамматическія тонкости этого языка реннему дѣтскому возрасту, для котораго предназначается эта книга»... (Пред. VIII).

Доброе намѣреніе автора понятно; но пространная рѣчь объ этомъ намѣреніи не совсѣмъ складна и опредѣленна. Авторъ, какъ видно, считаетъ за одно и тоже и «излишнія подробности и мелочи, не имѣющія практическаго или научнаго значенія» и «грамматическій балластъ» и «грамматическія тонкости языка». Но вѣдь несомнѣнно же, что «грамматическія тонкости языка» имѣютъ научное значеніе,—что элементы словъ, ихъ измѣненія, разнообразныя сочетанія и пр. имѣютъ свою постоянно развивающуюся жизнедѣятельность въ исторіи языка. Правда, и самъ авторъ на предыдущей страницѣ говоритъ, что «предлагаемая книжка заключаетъ въ себѣ элементы новославянскаго языка». Но здѣсь подъ словомъ «элементы» онъ разумѣетъ уже сложившіяся, образовавшіяся формы языка, какъ первичныя, элементарныя формы рѣчи и въ этомъ смыслѣ видитъ въ своей книгѣ «элементы языка». Значитъ, мы имѣемъ дѣло съ неточностію выраженія. Ясно только, что элементовъ языка, какъ «грамматическихъ тонкостей», авторъ не дастъ дѣтямъ въ своей книгѣ. Это было бы очень хорошо.

Но, къ сожалѣнію, авторъ не вездѣ выполняетъ свое обѣщаніе. Уже съ § 9 онъ предлагаетъ дѣтямъ «ради систематичности», какъ и всѣ составители всѣхъ грамматикъ, (напр., греческой, латинской, русской и др.) замѣчаніе о звукахъ (твердые, мягкіе, ясные, глухіе; по органамъ произношенія и пр.), о чередованіи гласныхъ, о измѣненіи согласныхъ и др. въ этомъ родѣ. И, вѣроятно, также ради систематичности, авторъ помѣстилъ параграфы объ образованіи глагольныхъ формъ (§§ 66—80) прежде образцовъ спряженія.

Это уже какъ разъ по плану русской грамматики Кирпичникова и К. Встрѣчаются при сложеніи образцовъ и ошибки въ удареніяхъ. Напр. стр. 13-я множ. число дат., твор. и предл. падежи: жéнамъ, жéнам и жéнахъ вм. женáмъ, женáми и женáхъ (См. 1 Тим. 2, 10. Дѣян. 16, 13. Мѳ. 11, 11. Лук. 1, 28. 42 и мн. др.). Или на стр. 26: благъ, благò, вм. блáго (см. Филип. 1, 6 и др.); чистъ, чистó вм. чѝсто (см. 1 Петр. 3, 2. Тит. 1, 15). Или на стр. 48 можé вм. мóже (см. Мр. 7, 24. Лук. 6, 48). Не мѣшало бы привести полностію склоненіе мѣстоимѣнія *иже*, *яже*, *еже* на ряду съ мѣстоимѣніемъ *онъ*, она, оно (стр. 30—31). Также слѣдовало бы показать и спряженіе недостаточныхъ глаголовъ (напр. *іа т и*). Есть и такого рода недосмотры. Авторъ говоритъ (стр. 3), что буква *іа* пишется въ началѣ слова, а *я* въ срединѣ и концѣ слова. А между тѣмъ въ заглавіи его руководства «грамматика современнаго церковно-славянскаго языка» слово *языка* (какъ и слѣдуетъ) пишется чрезъ *я*. Конечно, дитя будетъ въ недоумѣніи.

Но эти промахи автора, которые можетъ исправить всякій преподаватель, почти искупаются другими крупными достоинствами его книги. Вездѣ видно желаніе автора выдвинуть существенное въ знаніи формъ славянскаго языка; вездѣ проглядываетъ настойчивое усердіе автора запечатлѣть пройденныя формы въ умѣ учащагося. Примѣры для упражненій и задачи, помѣщенные авторомъ въ подходящихъ мѣстахъ, сообразно изучаемымъ формамъ языка, представляютъ собою вполнѣ заслуживающій одобренія пріемъ при составленіи грамматикъ. Подобный пріемъ, всегда употребляемый въ грамматикахъ нѣмецкаго, французскаго, латинскаго, греческаго и др. языковъ, въ славянской грамматикѣ почему то не встрѣчался,—или же практиковался въ видѣ приложенія къ концѣ къ учебнику, въ качествѣ упражненій въ чтеніи. За такой пріемъ можно только благодарить. Изъ синтаксиса приведены авторомъ самыя необходимыя свѣдѣнія для изучающаго славянскій языкъ и опять съ примѣрами для синтаксическаго разбора.

Такимъ образомъ, книга г. Муратова можетъ быть весьма полезнымъ руководствомъ при изученіи дѣтьми современнаго церковно-славянскаго языка, а своей упрощенностію и тѣмъ учебно-

педагогическимъ пріемомъ, на который мы указали,—эта книга, несомнѣнно, займетъ видное мѣсто среди другихъ подобныхъ учебниковъ.

С. А. К—нъ.

Извѣстія и замѣтки.

— Въ четвергъ, 25 мая, **въ высокоторжественный день рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны**, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, отслужена была литургія, а по окончаніи ея молебствіе.

— **Притиско-Николаевская церковно-приходская школа**. 19 мая въ этой школѣ были произведены экзамены двумя воспитательными комиссіями, назначенными кіевскимъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ. Во главѣ испытательныхъ комиссій состояли: членъ кіевскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, заслуженный ординарный профессоръ К. д. академіи Малышевскій и чиновникъ при оберъ-прокурорѣ Св. Синода Скорцовъ. Преобразованная недавно въ двухклассную, Притиско-Николаевская церковно-приходская школа въ этотъ день впервые представила 11 воспитанниковъ второго класса, старшей группы, которые и были подвергнуты испытанію въ комиссіи для полученія свидѣтельствъ объ окончаніи ими полнаго курса двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, по утвержденной Св. Синодомъ программѣ. Ученики обнаружили отчетливое знаніе не только Правосл. христ. катехизиса и Церковной исторіи (въ предѣлахъ программы), но и практическое знакомство съ богослужебными книгами: не мало церковныхъ пѣснопѣній ученики знали наизустъ. Кромѣ сознательнаго чтенія и перевода на русскій языкъ съ церковно-славянскаго, экзаменовавшіеся проявили знаніе особенностей этимологіи и синтаксиса церковно-славянскаго языка. Но особенно выдѣлялось мастерское чтеніе учениками образцовъ русской словесности, а также отвѣты по Русской исторіи. Имѣя въ виду общій уровень развитія и основательное знаніе узаконенной программы, испытательная комиссія

единогласно признала всѣхъ экзаменовавшихся достойными получить свидѣтельство объ окончаніи курса двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

— «Н. В.» сообщаетъ, что **освященіе Владимірскаго храма въ Кіевѣ** отложено на будущій 1896 годъ и должно состояться не позже 15 іюля, когда предполагается въ Кіевѣ съѣздъ архипастырей южно-русскихъ епархій для участія въ совѣщаніяхъ по церковно-школьному дѣлу. Открытіе памятника Императору Николаю I, по словамъ той же газеты, предполагаютъ пріурочить къ 25 іюня 1896 г., т. е. къ столѣтію со дня рожденія сего Государя.

— **Изъ м. Ротмистровки, черкасск. у.** Въ нашемъ мѣстечкѣ установлены еженедѣльные базары по четвергамъ. Эти базары бываютъ большею частью очень многолюдны; торговля идетъ бойко почти во всякое время года, только она нѣсколько утихаетъ въ страдное время, когда крестьянину уже почти не остается ничего продать; а купить что либо изъ мелочи можно и въ селѣ, гдѣ всегда найдется небольшая лавочка. Очень пріятно видѣть, что для базарнаго дня выбранъ будній день. Но такъ какъ по четвергамъ приходятся иногда праздники и особенно такой великій праздникъ, какъ Вознесеніе Господне, то слѣдовало бы отмѣнять базары и въ эти праздничные дни, а равно и въ дни высокоторжественные, съ перенесеніемъ базаровъ каждый разъ на канунъ этихъ дней. Если бы такъ было сдѣлано,—отъ этого торговля ни сколько не пострадала бы: кому нужно было бы поѣхать на базаръ—поѣхалъ бы и на канунѣ праздника. Если мнѣ возразятъ, что вѣдь—это рабочіе дни, и что крестьяне много теряютъ отъ перенесенія базаровъ на будніе дни, то на это могу сказать, что крестьяне празднуютъ часто и въ такіе дни, въ которые вовсе не полагается праздновать. Здѣсь, къ сожалѣнію, я долженъ сказать еще, что въ табельные дни у насъ въ церкви почти никого не бываетъ. Это происходитъ отъ того, что крестьяне иногда и не знаютъ, почему въ эти дни св. Церковь празднуетъ. Между тѣмъ, если бы священникъ въ ближайшій праздникъ или воскресеніе объяснилъ прихожанамъ, что вотъ молъ въ такой то день мы будемъ праздновать Царскій (табельный) день, въ который нужно

помолиться о томъ то и томъ то,—навѣрное, народъ пришелъ бы въ церковь. Я живу въ деревнѣ лѣтъ 20, и во все это время не помню, чтобы крестьяне праздновали настоящимъ образомъ «19 февраля». Нѣкоторые изъ нихъ, полагаю, и не понимаютъ значенія этого дня, какъ не понимаютъ и того тяжкаго времени, которое было до 19 февраля. Между тѣмъ въ этотъ день непремѣнно повсюду слѣдовало бы отслужить обѣдню, сказать слово, совершить панихиду по въ Бозѣ почивающимъ Государямъ—Александрѣ II и Александрѣ III и провозгласить многолѣтіе Государю и всему царствующему дому. Однимъ словомъ, служба должна быть торжественная; священникъ долженъ быть облаченъ въ свѣтлыя бѣлыя ризы, какъ въ первый день Пасхи; потому что для крестьянъ 19 февраля есть день избавленія отъ тяжкаго, рабскаго крѣпостного труда.

Буду очень радъ, если на мою замѣтку обратятъ вниманіе тѣ, кого это касается. *Мгрянинъ Б.*

— **Разъясненіе недоразумѣнія.** Директоръ Гр. сахарнаго завода 23 апрѣля текущаго года вступилъ въ бракъ съ лютеранкою и повѣнчанъ былъ въ церкви Кіевской 2 гимназіи. Послѣ этого отправились бракосочетавшіеся къ кирку, гдѣ и пасторъ, какъ они говорили, вѣнчалъ ихъ.

Всепокорнѣйше просимъ уважаемую редакцію разъяснить намъ на страницахъ своего изданія, какъ должно смотрѣть намъ на этотъ случай со стороны закона, въ виду того, что многіе изъ прихожанъ спрашиваютъ: почему православный вѣнчался разъ въ церкви православной, а другой разъ въ кирхѣ нѣмецкой? Такъ какъ отвѣчать на этотъ предметъ простолюдину весьма затруднительно,—говорить, напр., народу, что нѣмцы таинство брака не признаютъ—неловко,—сказать же, что это было дополненіе къ браку еще хуже; а потому редакція великую услугу сдѣлаетъ, если разъяснитъ этотъ вопросъ.

Для *разъясненія этого недоумѣнія,* Редакція можетъ только указать на ст. 65, 67, 68 и 69 I-й части X т. Св. Зак. Гражд.

— Въ концѣ минувшаго года, именно 15 декабря, было **освященіе новоустроеннаго храма** въ селѣ Быстрикѣ, бердичевскаго

уѣзда. Ко дню освященія храма былъ приглашенъ приходскимъ священникомъ о. Головинскимъ благочинный изъ села Пузырекъ о. Шостацкій, который, совмѣстно съ прибывшимъ духовенствомъ, освятивъ св. престолъ и все зданіе церкви, торжественно совершилъ богослуженіе. Хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ мѣстной церковно-приходской школы, подъ управленіемъ учителя, пѣлъ весьма удовлетворительно. Къ богослуженію, не смотря на будничный день, прибыла въ храмъ интеллигенція изъ г. Бердичева, а также служащіе поляки и нѣмцы изъ вальцовой мельницы, построенной при рѣкѣ Гнилопятъ въ селѣ Быстрикѣ. Свои же православные прихожане, отъ стараго до малаго, всѣ съ великою радостью спѣшили въ свой новоустроенный храмъ. Церковь была полна молящихся. При богослуженіи сказаны были три проповѣди. Предъ литургіей сказалъ рѣчь къ народу о. Антиповичъ, во время литургіи о. Вильковскій, а послѣ литургіи о. Мацѣевичъ. Во всѣхъ проповѣдяхъ объяснялось значеніе видимыхъ храмовъ, какъ молитвенныхъ домовъ нашихъ, и о благоустроеніи храмовъ душевныхъ. Для освященія новоустроеннаго храма прибыли въ Быстрикъ не только священники-сосѣди, но и изъ дальнихъ уѣздовъ, знающіе почтеннаго настоятеля с. Быстрика. Честь и слава о. Головинскому, съумѣвшему изъ ничтожныхъ средствъ малѣйшаго семиклассного прихода, собрать одиннадцать тысячъ рублей и устроить въ красивомъ мѣстѣ величественный храмъ Божій. Много потрудился онъ въ Кіево-Подольскомъ духовномъ училищѣ, какъ пастырь юныхъ дѣтей; еще больше потрудился онъ въ Кіевской духовной семинаріи, будучи духовникомъ взрослыхъ учениковъ,— наконецъ, подъ старость онъ ревностно пастырствуетъ и въ своемъ скромномъ приходѣ; и вотъ, стараніемъ его устроена прекрасная церковь въ его приходѣ на мѣстѣ весьма старой, грозившей изо дня на день паденіемъ. Вложивъ немалую свою жертву для построенія храма, онъ былъ утѣшенъ и усердіемъ своихъ прихожанъ, которые, благодаря урожаю хлѣба, не скупились приносить и свои лепты на постройку храма. Въ теченіи какихъ нибудь 6—7 лѣтъ изъ сотенъ рублей собраны были тысячи,—и безъ всякой посторонней помощи, въ одинъ годъ была построена величественная

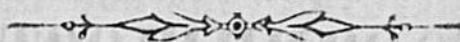
церковь и снабжена прекрасною новою утварью, выписанною изъ Москвы. Дай Богъ побольше такихъ дѣятелей на нивѣ Христовой!

Свящ. *I. Вильковскій.*

Неоффиціальной части редакторъ, Прот. *Павелъ Троцкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 11 сданъ на почту 2 іюня.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 30 мая 1895 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ.*
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.